

rocketbook

ДЖЕЙМС РОЛИНС

Бездна

Джеймс Роллинс

Бездна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523725

Бездна / Джеймс Роллинс; [пер. с англ. А.Новикова].: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербурга;

2011

ISBN 978-5-699-51045-0

Аннотация

Утром того дня, когда должно было произойти первое солнечное затмение нового тысячелетия, никто не подозревал, что вскоре жизнь всего человечества изменится самым роковым образом. Когда Земля накрылась темной пеленой, мощная вспышка на солнце спровоцировала серию природных катастроф. Землетрясения и извержения вулканов сотрясли земной шар. Ученый Джек Киркланд подозревает, что причина этих катаклизмов как-то связана со странной кристаллической колонной, обнаруженной на дне океана. На этой колонне высечены загадочные письмена, в которых древний народ, живший двенадцать тысяч лет назад, пытался передать какое-то предостережение.

Еще один супербестселлер, новые захватывающие приключения от автора «Пирамиды», «Амазонии» и «Песчаного дьявола».

Содержание

Пролог	4
I	5
II	11
III	15
1	20
2	30
3	38
4	49
5	54
6	62
7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джеймс Роллинс

Бездна

*Посвящается Стиву и Джуди Прей,
учителям, друзьям и основателям «Спейсеров»*

Пролог

День затмения

Вторник, 24 июля

I До

*8 часов 14 минут по тихоокеанскому
поясному времени
Сан-Франциско, Калифорния*

Утром того дня, когда должно было произойти солнечное затмение, Дорин Макклауд вышла из кафе «Старбакс», держа в одной руке свежий номер «Кроникл», а в другой – картонный стаканчик с крепким мокко. Следовало поспешить: на десять часов у нее была назначена встреча в городе, а на то, чтобы доехать до ее офиса, расположенного рядом с Эмбаркадеро, оставалось менее часа. Ежась от холодного утреннего ветра, она торопливо направилась к станции метро на перекрестке улиц Рыночной и Кастро.

Дорин посмотрела на небо и нахмурилась. Опустившаяся ночью на город пелена тумана еще не развеялась, и солнце сквозь эту дымку казалось мутным опалом. Долгожданное событие – первое в новом тысячелетии солнечное затмение – должно было произойти после четырех часов, и не увидеть его из-за чертова тумана будет ужасно обидно. Из газет и телепередач она знала, что праздновать этот редкий астрономический феномен собрался весь город. Сан-Франциско даже здесь не мог обойтись без фанфар.

«Что за глупость! – подумала Дорин, досадливо мотнув головой. – Над Сан-Франциско и так круглый год висит туманное марево, так чего же радоваться еще несколькими минутам темноты?» Тем более что затмение ожидалось даже не полное, а частичное!

Вздыхнув, она отбросила эти несвоевременные раздумья и поправила шарф на шее. Сейчас у нее были заботы поважнее. Если ей удастся выполнить требования по выданному «Дельта-банком» кредиту, путь к партнерству в фирме будет для нее открыт. Окрыленная этой мыслью, она буквально перепорхнула через Рыночную улицу и оказалась у входа на станцию метро.

Она вошла в метро как раз в тот момент, когда из тоннеля появился очередной поезд. Сунув проездной билет в считывающее устройство, Дорин зацокала каблучками по лестнице, спускающейся к платформе, и встала у ее края, дожидаясь, когда поезд окончательно остановится. Довольная тем, что не опоздает к назначенному времени, она поднесла к губам стаканчик с кофе, однако не успела сделать ни одного глотка. От сильного удара под локоть стаканчик вылетел из ее руки, а кофе широкой шоколадно-коричневой дугой выплеснулся на асфальт перрона.

Ойкнув от неожиданности, Дорин развернулась, чтобы взглянуть на своего обидчика, и увидела старую женщину, укутанную в тряпье, собранное, видимо, по разным помойкам. Она смотрела на Дорин глазами, взгляд которых, как казалось, находился в каком-то другом измерении. В сознании Дорин на долю секунды вспыхнул образ лежащей в постели матери: тяжелый запах мочи и лекарств, ее обострившиеся черты и такие же мертвые глаза. Болезнь Альцгеймера.

Дорин отступила на шаг, инстинктивно прижав к себе сумочку, но бездомная старуха, судя по всему, была совершенно безобидна. Наверное, сейчас последует обычная в подобных случаях просьба: «Помогите, чем можете!» Дорин сделала еще один шаг назад. Испуг и злость сменились чувством жалости. Другие пассажиры отвели глаза в сторону, следуя неписаному правилу любого городского жителя: не смотри слишком пристально. Дорин хотела поступить так же, но почему-то не смогла. Возможно, причиной тому было внезапно посетившее ее воспоминание о давно умершей матери, а может, безотчетная волна сострадания по отношению к этому несчастному созданию. Так или иначе, помимо своей воли она спросила:

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Старуха пошевелилась, и Дорин увидела жмущегося к ее коленям изголодавшегося коричневого щенка. Бедняга был настолько тощим, что на его впалых боках можно было сосчитать все ребра. Старуха заметила, куда смотрит Дорин, и сказала:

– Допсик знает! – От возраста и бездомной жизни голос ее звучал хрипло. – Он все знает!

Дорин кивнула, словно в словах женщины был хоть какой-то смысл. Психически больных лучше не раздражать, это она усвоила из опыта общения со своей несчастной матерью.

– Конечно знает, – поддакнула Дорин.

– И он мне об этом рассказывает! Да-да, рассказывает!

Дорин снова кивнула, чувствуя себя законченной дурой. За ее спиной с шипением открылись двери поезда. Если она не хочет опоздать, нужно поторопиться.

Она начала поворачиваться, как вдруг иссохшая рука ухватила ее за запястье. Дорин инстинктивно дернулась в сторону, но старуха держала ее на удивление цепко. Шурша своим тряпьем, сумасшедшая приблизилась к Дорин.

– Допсик – хороший песик, – прошамкала она. – Допсик умный. – В углах старушечьего рта пенилась густая, похожая на скисший майонез слюна. – Он все знает. Он умный.

Дорин рывком освободила руку.

– Я... Мне нужно идти.

Старуха не пыталась удержать ее, сразу же спрятав руку в складках живописного тряпья. Не сводя с нее взгляда и пятясь, Дорин дошла до дверей вагона. Оставшись одна, старуха скукожилась в своей ветоши и погрузилась в какие-то никому не ведомые раздумья. Дорин встретила взглядом с устремленными на нее глазами щенка. Когда двери вагона закрывались, до нее донеслось бормотание бездомной старухи:

– Допсик... Он знает... Он знает, что сегодня мы все умрем.

*13 часов 55 минут по тихоокеанскому
поясному времени (11 часов 55 минут
по местному времени)*

Алеутские острова, Аляска

Утром того дня, когда должно было произойти солнечное затмение, Джимми Помотук с привычной осторожностью прокладывал путь вверх по обледенелому склону. Его пес по кличке Нанук трусил на несколько шагов впереди. Здоровенный маламут¹ хорошо знал эту дорогу и мог бы добраться до конечного пункта самостоятельно, но, будучи преданным компаньоном, не хотел оставлять хозяина.

Устало шаркая за старым псом, Джимми вел за собой троих английских туристов: двух мужчин и одну женщину. Их путь лежал к Ледяному пику – высшей точке этого окруженного морем клочка земли, одного из Лисьих островов. Его предки, инуиты², приходили сюда, чтобы поклоняться великому Орке, устанавливали деревянных идолов и бросали священные камни со скалы в море. Впервые, еще мальчиком, его привел на это священное место прадед. Это случилось почти тридцать лет назад.

Теперь это место было обозначено на всех туристических картах наряду с другими достопримечательностями острова, и суденышки компании «Зодиак», перехватывая туристов с многочисленных круизных лайнеров, ненадолго останавливавшихся в этих холодных широтах, высаживали свой человеческий груз на пристани живописного поселка Порт-

---

¹ Маламут – северная ездовая собака родом с Аляски и арктических районов Канады. Получила свое название от коренных жителей Аляски – племени маламутов.

² Инуиты – самоназвание эскимосов.

Ройсон. Помимо этого привлекавшего своей стариной и экзотичностью поселка еще одной достопримечательностью острова являлся Ледяной пик. В ясный день вроде того, что выдался сегодня, с него была видна вся гряда Алеутских островов, нескончаемой дугой уходящая за горизонт. Этот вид, который предки Джимми считали бесценным, теперь стоил шестьдесят долларов в разгар туристического сезона и сорок – во все остальные дни.

– Долго нам еще, черт побери, тащиться? – послышался недовольный голос за спиной Джимми. – Я себе уже всю задницу отморозил!

Джимми обернулся. Он предупреждал эту троицу, что по мере подъема на вершину будет становиться все холоднее. Туристы были облачены в одинаковую одежду от Эдди Бауэра – куртки, рукавицы и ботинки, – но все эти шмотки вплоть до последнего стежка на них были сейчас совершенно бесполезны. Забавно: на спине парки, в которую облачилась женщина, до сих пор болталась бирка с ценой.

Указав рукой в сторону холма, за вершиной которого только что скрылась собака, Джимми сказал:

– Еще один подъем, и мы на месте. Идти осталось минут пять, не больше. А там вас ждет теплая хижина.

Недовольный турист посмотрел на циферблат часов и выругался себе под нос.

Джимми страдальчески закатил глаза и двинулся дальше. Если бы не чаевые, которые он рассчитывал получить в конце этого пешего тура, он с радостью скинул бы всю троицу со скалы. То-то славное получилось бы жертвоприношение богам океана, которым поклонялись его предки! Однако об этом оставалось только мечтать, и Джимми, как случалось всегда, поплелся дальше. Вскоре они достигли вершины.

Позади него раздался ошеломленный выдох, вырвавшийся разом из трех глоток. Джимми обернулся, готовый произнести заученную наизусть речь о значении этого места, но тут же увидел, что восклицания туристов были вызваны отнюдь не ошеломляющим видом, открывшимся их взорам. Они плотнее укутывались в свои одежды, пытались укрыться от пронизывающего ветра.

– Как же здесь холодно! – проговорил, стуча зубами, второй мужчина. – Надеюсь, затвор моей фотокамеры не замерзнет. Будет страшно обидно проделать такой путь до этого проклятого места и не сделать ни одной фотографии.

Руки Джимми непроизвольно сжались в кулаки, однако он постарался, чтобы в его голосе не прозвучала враждебность.

– Хижина расположена вон там, за той группой черных сосен. Почему бы вам не отправиться туда и не погреться? До солнечного затмения еще есть время.

– Слава тебе господи! – проговорила женщина и, обращаясь к тому из мужчин, который стал жаловаться первым, добавила: – Пойдем, Реджи.

Теперь настала очередь Джимми замыкать процессию. Англичане трусцой направились к маленькой, угнездившейся в низком месте сосновой рощице. Нанук потрусил рядом с хозяином, тычась влажным носом в его руку. Он хотел, чтобы ему почесали за ухом.

– Нанук, хороший мальчик, – похвалил пса Джимми, глядя на струйку дыма, поднимавшегося к синему небу. По крайней мере, сын выполнил данное ему поручение и растопил печь в хижине, прежде чем отправиться на главный остров – праздновать солнечное затмение вместе со своими друзьями.

На Джимми вдруг, непонятно с чего, накатила волна печали. Хотя это место всегда оказывало на него такое действие. Он словно ощущал здесь чье-то незримое присутствие. «Возможно, это боги моих предков», – подумал он, но лишь наполовину шутливо, и пошел дальше, к спасительному теплу. Ему вдруг страстно захотелось укрыться от холода – не меньше, чем его подопечным-англичанам. Джимми взглядом проследил за струйкой дыма до самого солнца, висевшего над горизонтом с восточной стороны. Солнечное затмение. Когда

происходило такое, предки Джимми думали, что огромный кит глотает солнце. То же самое должно было произойти в течение следующих нескольких часов.

Нанук, бежавший рядом с ним, вдруг зарычал. Джимми взглянул на собаку. Маламут смотрел в сторону юга. Наморщив лоб, Джимми проследил за взглядом пса.

Вершина скалы была пуста, если не считать одиноко торчавшего деревянного идола. Идол, разумеется, был ненастоящим. Дешевый макет для туристов, выточенный на токарном станке где-то в Индонезии и привезенный сюда морем.

Нанук продолжал негромко рычать. Джимми не мог понять, отчего собака нервничает. – Тихо, мальчик! – прикрикнул он на пса.

Как всегда послушный, Нанук уселся на задние лапы, но его мохнатое тело била мелкая дрожь.

Джимми скосил глаза на пустое море. В его памяти вдруг всплыла старинная молитва, которой его научил дедушка. Он был удивлен тем, что вспомнил ее слова, и не смог бы объяснить, почему эти слова сорвались с его губ именно сейчас. Для того чтобы выжить на Аляске, необходимо было уважать природу и собственные инстинкты. Своим Джимми верил.

Ему на мгновение показалось, что рядом с ним возник его дедушка и они вместе глядят в бесконечное море. Для таких моментов, как сейчас, у дедушки была припасена фраза: «Ветер пахнет бурей».

*16 часов 05 минут по тихоокеанскому
поясному времени (10 часов 05 минут
по местному времени)
Аганья, владение Гуам³*

Утром того дня, когда должно было произойти солнечное затмение, Джеффри Хесмайер проклинал свое невезение, торопливо шагая по коридору правительственного особняка. В первой сессии переговоров на высшем уровне было решено сделать перерыв для второго завтрака. Высокие договаривающиеся стороны из Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики вернутся за стол переговоров только после солнечного затмения. Совместное созерцание этого редкого природного явления было включено в официальную повестку дня.

Джеффри, как младшему помощнику, было поручено использовать время перерыва для того, чтобы набрать на компьютере, распечатать и раздать всем членам американской делегации рукописные заметки, которые делал в ходе утренней сессии государственный секретарь. Как несправедливо устроена жизнь! Пока более высокопоставленные коллеги в ожидании солнечного затмения наслаждаются разносолами буфета, устроенного в зимнем саду, подлизываясь к шишкам из президентской свиты, он должен изображать из себя то ли стенографистку, то ли – того хуже! – машинистку.

Джеффри вновь беззвучно проклял свою горькую судьбу. Что им понадобилось здесь, посередине Тихого океана? Ад замерзнет скорее, чем две тихоокеанские державы подпишут договор по ядерным вооружениям. Ни одна из стран не хотела уступать, особенно в том, что касалось двух наиболее важных пунктов. Президент наотрез отвергал притязания Китая, который требовал, чтобы США не распространяли свой противоракетный «зонтик» – знаменитую систему ПРО – на территорию Тайваня, а китайский премьер отказывался прекратить дальнейшее наращивание арсенала межконтинентальных баллистических ракет. За целую

---

³ Гуам – владение США в западной части Тихого океана на одноименном острове в группе Марианских островов, крупнейшая стратегическая военная база США на Тихом океане.

неделю интенсивной работы участники саммита добились лишь того, что напряженность в двусторонних отношениях усилилась еще больше.

Единственным светлым пятном за все это время стал лишь первый день саммита, когда президент Бишоп принял в дар от китайского премьера жадеитовую скульптуру воина верхом на коне – полноразмерную копию одной из знаменитых терракотовых статуй, найденных в окрестностях города Сиань. Журналисты были в восторге и целый день щелкали затворами фотоаппаратов, запечатлевая историческую сцену: главы двух великих держав на фоне изумительно красивого изваяния. В тот день в сердцах многих расцвели надежды, которым не суждено было воплотиться.

Джефффри вошел в отсек помещений, отведенный их делегации, и предъявил охраннику пропуск. Тот важно кивнул, пропуская мелкого клерка внутрь. Дойдя до своего стола, Джефффри рухнул на кожаное вращающееся кресло. Хотя порученное ему задание он считал унижительным, тем не менее намеревался выполнить его безукоризненно.

Аккуратно положив стопку исписанных от руки листков возле компьютера, он приступил к работе. Его пальцы порхали над клавиатурой, и каракули госсекретаря Эллиота превращались в ровные, аккуратные строчки компьютерного текста. По мере того как Джефффри втягивался в работу, злость и обида оставляли его. Ему было интересно находиться в закулисье большой политики, наблюдать вблизи, как вершится история. Похоже, президент все же был готов пойти на уступки по вопросу Тайваня, но хотел за это выторговать у Китая побольше выгод для США, включая мораторий на расширение китайского ядерного арсенала и участие КНР в Режиме контроля над ракетными технологиями⁴. Эллиот полагал, что эта цель вполне достижима, если правильно разыграть имеющиеся карты.

Джефффри настолько погрузился в расшифровку записей госсекретаря, что не заметил, как кто-то подошел к нему сзади. Услышав легкое покашливание за спиной, молодой клерк крутанулся на кресле, поднял голову и увидел высокого седовласого мужчину. На нем была рубашка с галстуком, а пиджак он небрежно держал на согнутой руке.

– Ну и что вы обо всем этом думаете, мистер Хессмайер?

Джефффри вскочил так резко, что его кресло откатилось назад и врезалось в соседний стол.

– Г-господин президент... – запинаясь, выдавил он.

– Расслабьтесь, мистер Хессмайер. – Президент Соединенных Штатов Дэниел Р. Бишоп склонился над письменным столом и стал читать текст на мониторе компьютера. – Что вы думаете о рассуждениях Тома?

– Госсекретаря? Мистера Эллиота?

Президент выпрямился и устало улыбнулся.

– Да. Вы ведь изучаете международное право в Джорджтауне?

Джефффри моргнул. Ему казалась невероятной сама мысль, что президент выделил его среди сотен чиновников и клерков, работавших в чреве Белого дома.

– Да, господин президент, я оканчиваю университет в следующем году.

– Лучший студент на курсе и специализируетесь по Азии, насколько я слышал. Как повашему, удастся нам уломать китайцев подписать это соглашение?

Джефффри облизал губы. Ему было трудно выдержать взгляд Дэниела Бишопы – героя войны, государственного деятеля и лидера свободного мира.

– Говорите же, дружище, и не бойтесь, я не откушу вам голову. Я всего лишь хочу узнать ваше честное и непредвзятое мнение. Иначе зачем бы я стал просить Торна поручить это задание именно вам?

---

⁴ Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) создан в 1987 г. и объединяет 32 государства. Цель РКРТ – противодействие распространению технологий создания ракетных средств доставки оружия массового поражения.

Пораженный этим признанием, Джеффри был не в состоянии вымолвить хоть слово.
– Дышите, – приказал президент.

Джеффри последовал рекомендации, и это помогло. Откашлявшись, он постарался привести мысли в порядок и заговорил:

– Мне кажется, госсекретарь Эллиот высказывает весьма здравую мысль о страстном стремлении материкового Китая к экономической интеграции Тайваня. – Джеффри на секунду умолк, чтобы перевести дух, и продолжал: – Я внимательнейшим образом изучил, как проходило возвращение Гонконга и Макао под власть Пекина. Похоже на то, что китайцы используют эти территории в качестве испытательного полигона для интеграции демократической экономики в коммунистические структуры. Вполне логично предположить, что эти эксперименты проводятся в преддверии переговоров по возвращению Тайваня под юрисдикцию Китая, чтобы продемонстрировать, как от подобного союза могут выиграть все заинтересованные стороны.

– А как быть с растущим ядерным арсеналом Китая?

Немного осмелев, Джеффри заговорил быстрее:

– Их ядерные и ракетные технологии украдены у нас. Но нынешняя производственная инфраструктура Китая недостаточно развита для того, чтобы в полной мере воспользоваться ими; во многих отношениях Китай до сих пор остается аграрной страной, плохо приспособленной для быстрого развития ракетных технологий.

– И каков же ваш вывод?

– Китайцы стали свидетелями того, как гонка вооружений обанкротила Советский Союз, и не захотят наступить на те же грабли. Если Китай намерен сохранить за собой нынешнее положение в мировом балансе сил, ему для начала необходимо ускорить собственное технологическое развитие. Они не могут позволить себе ввязаться в пустопорожние дискуссии с Соединенными Штатами относительно ядерного арсенала.

– Пустопорожние дискуссии? – хмыкнул президент.

Джеффри побагровел.

– Извините, я...

– Нет-нет, – воздел руку президент, – мне понравилось ваше выражение.

Джеффри внезапно почувствовал себя полным идиотом. Что за чушь он тут несет? Как он смеет думать, что его завиральные идеи могут представлять хоть какой-то интерес для президента Бишопа?

Президент выпрямился и надел пиджак.

– Полагаю, вы правы, мистер Хессмайер. Ни одна страна не хочет финансировать новую холодную войну.

– Совершенно верно, сэр, – промямлил Джеффри.

– Возможно, есть надежда урегулировать эту проблему до того, как отношения между нашими странами станут еще более натянутыми, но для этого понадобится определенная ловкость. – Президент направился к двери. – Заканчивайте вашу работу, мистер Хессмайер, – добавил он, – и приходите в атриум. Нельзя пропустить первое солнечное затмение нового тысячелетия.

Глава государства вышел из комнаты, а Джеффри так и не нашел что ответить. Он без сил плюхнулся в кресло и закрыл глаза. Сам президент слушал его и... согласился с ним.

Благодаря звезды за такую удачу, Джеффри выпрямился и с удвоенной энергией принялся за работу. Этот день наверняка запомнится надолго.

II Во время

*16 часов 44 минуты по тихоокеанскому
поясному времени*

Сан-Франциско, Калифорния

С балкона офисного здания открывался прекрасный вид на залив Сан-Франциско. Отсюда были видны пирсы и даже толпы горожан, собравшиеся на площади Жирарделли в ожидании затмения. Однако не это привлекло внимание Дорин Макклауд. Она не отрывала глаз от зрелища, которое можно увидеть лишь раз в жизни.

В центре неба, над синими водами залива, висело черное солнце.

Сквозь темные очки, приобретенные по такому случаю в магазине оптики «Острый взгляд», Дорин смотрела на яркие длинные языки, вырывавшиеся из-за черного круга. Солнечные протуберанцы. Эксперты в области астрономии с телеканала Си-эн-эн предсказывали, что благодаря необычайно высокой солнечной активности в этот день затмение будет особенно зрелищным. Они не ошиблись.

Секретарши и другие сотрудники их адвокатской конторы, стоявшие по обе стороны от Дорин, ахали и издавали возгласы восхищения.

Заслоненное луной светило выбросило в пространство особенно длинный огненный хвост, а радио, мурлыкавшее в комнате, зашипело каскадом статических разрядов, подтверждая еще один прогноз астрономов. Си-эн-эн предупреждала, что в результате бомбардировок верхних слоев атмосферы заряженными частицами, принесенными солнечным ветром, могут возникнуть значительные помехи в эфире.

Дорин не могла оторвать глаз от черного солнца и его отражения в водах залива. В какое удивительное время довелось ей жить!

– Эй, кто-нибудь почувствовал это? – встревоженно спросила одна из секретарш.

Ощувив слабую вибрацию под ногами, Дорин сразу же поняла, что имела в виду девушка. Из динамиков радио теперь слышалось одно только шипение, задрожали глиняные цветочные горшки.

– Землетрясение! – без всякой на то нужды крикнул кто-то.

Для коренного жителя Сан-Франциско подобное дрожание почвы не являлось поводом для паники, и все же в глубине сознания каждого ворочалась неприятная мысль: «А вдруг – Большое?⁵»

– Все – внутрь! – приказал глава фирмы.

Собравшиеся на балконе, толкаясь в дверях, поспешили войти в помещение. Дорин напоследок еще раз посмотрела вверх. Отсюда казалось, что какой-то исполин проделал в небе огромную черную дыру. И тут в мозгу Дорин возник образ замотанной в тряпье бездомной старухи, и ей вспомнилось еще одно предсказание: «Сегодня мы все умрем».

Дорин отпустила перила и пошла в комнату. Балкон под ее подошвами стал содрогаться, словно собирался встать на дыбы. Да, это было не рядовое землетрясение.

– Скорее! – крикнул босс. – Надо спастись!

Дорин кинулась во внутренние помещения, но в глубине души понимала: спасения не найти. Сегодня все они умрут.

16 часов 44 минуты по тихоокеанскому

---

⁵ Так в Сан-Франциско принято называть мощные землетрясения, подобные тому, что в апреле 1906 г. разрушило город почти до основания.

*поясному времени (14 часов 44 минуты
по местному времени)*

Алеутские острова, Аляска

Стоя на скалах Ледяного пика, Джимми смотрел на исчезающее солнце. Рядом с ним беспокойно метался Нанук. Слева от него восторженно вопила троица англичан, забывших от возбуждения про холод. Сверкали вспышки, жужжали фотокамеры, перематывая пленку.

– Нет, ты видел, как жажнуло?

– Боже милостивый!

Джимми вздохнул и уселся на холодный камень. Прислонившись спиной к деревянному идолу, он смотрел на черное солнце, повисшее над просторами Тихого океана. В этом неестественном освещении острова словно окоченели и выглядели ненастоящими. Даже поверхность моря в синевато-серебристом свечении казалась застывшей.

Нанук у ног Джимми снова принялся приглушенно рычать. Должно быть, не понимая, что происходит с солнцем, пес нервничал с самого утра.

– Не волнуйся, мальчик, – шепотом успокоил его хозяин. – Это всего лишь голодный кит задумал проглотить солнце.

Протянув руку, чтобы погладить собаку, Джимми обнаружил, что ее нет. Нахмурившись, он оглянулся назад. Пес уже смотрел не на солнце, а в сторону севера. Проследив за взглядом собаки, Джимми только и смог, что изумленно выдохнуть:

– Боже ты мой!

Небо на севере, потемневшее от солнечного затмения, пульсировало, переливалось волнами и круговоротами всех оттенков синего цвета. Джимми сразу же понял, что он наблюдает северное сияние. Но он никогда еще не видел такой его интенсивности, да и время теперь было неподходящее. Огни кружились, завивались вихрями, и казалось, что в небе разлилось еще одно, сияющее, море.

– Эй, – завопил один из англичан, – а я думал, что в это время года северного сияния не бывает!

– Так и есть, – тихо подтвердил Джимми.

Англичанка, которую звали Эйлин, сделала шаг по направлению к Джимми. Казалось, что фотокамера намертво приклеилась к ее лицу.

– Какая красота! – восхищенно воскликнула она. – Это даже лучше, чем затмение!

Джимми ничего не ответил. Для инуитов возникновение северного сияния было всегда связано с различными предзнаменованиями и наполнено тайным смыслом. Северное сияние летом они восприняли бы как предвестие большой беды.

– Это что? – спросила Эйлин. – Земля действительно дрожит или мне только кажется?

Ответом ей был мощный подземный толчок. Остров содрогнулся всем своим огромным каменным телом. Эйлин с испуганным криком упала, оказавшись на четвереньках, и оба спутника бросились ей на помощь. Джимми не свалился лишь благодаря тому, что вцепился в деревянного идола.

– Что нам делать? – кричала Эйлин.

– Не волнуйся, – успокаивал ее один из мужчин, – мы отсюда выберемся.

Джимми смотрел на гряду островов, купавшихся в сверхъестественном свечении. «О боже!» – пронеслось в его мозгу, и он прошептал слова благодарности за то, что его сын находится далеко отсюда.

Самые дальние из цепочки Алеутских островов медленно погружались в пучину Тихого океана, словно опускающиеся под воду гигантские морские животные. Настал день, когда божества океана пришли, чтобы заявить свои права на эти клочки суши.

16 часов 44 минуты по тихоокеанскому

*поясному времени (10 часов 44 минуты
по местному времени)
Аганья, владение Гуам*

Стоя в зимнем саду губернаторского особняка, Джеффри Хессмайер с замиранием сердца смотрел на солнечное затмение. Хотя за двадцать шесть лет жизни ему уже приходилось наблюдать частичные затмения, полного, как теперь, он еще не видел. Остров Гуам потому и был выбран для проведения саммита, что находился в той узкой полосе на поверхности Земли, где только и бывают видны полные затмения.

Джеффри закончил набирать заметки госсекретаря Эллиота, размножил их, и у него еще осталось время, чтобы успеть к концу удивительного зрелища. Нацепив на нос дешевые темные очки, он стоял вместе с другими членами американской делегации у западных дверей зимнего сада. Китайцы столпились на противоположной стороне атриума. Казалось, что две эти группы все так же разделял Тихий океан.

Не обращая внимания на отчетливо ощутимое напряжение, царившее в атриуме, Джеффри любовался величественной солнечной короной, из которой в темное небо то и дело вырывались хищные огненные протуберанцы. В этот момент у его уха раздался голос:

– Восхитительно, не правда ли?

Джеффри обернулся и снова, уже во второй раз, увидел прямо за собой президента Бишопа.

– Господин президент! – Джеффри начал снимать очки, но глава государства остановил его.

– Не надо. Наслаждайтесь этим чудесным зрелищем. В следующий раз полюбоваться подобным нам удастся лишь через двадцать лет.

– Д-да, сэр.

Джеффри послушно вернул очки на переносицу.

Президент, тоже глядя в небо, негромко заговорил:

– Согласно китайским верованиям, солнечное затмение является предвестником кардинальных перемен в течении реки жизни – либо к лучшему, либо наоборот.

– Уверен, что к лучшему, – проговорил Джеффри, – причем для обоих наших народов.

Президент Бишоп похлопал молодого человека по плечу.

– Ох уж этот юношеский оптимизм! – проговорил он. – Вам следует пообщаться с вице-президентом. Вы могли бы поделиться с ним своей жизнерадостностью, а он с вами – гм, своим реалистичным взглядом на происходящее, – иронично хмыкнул президент, по всей видимости довольный своей шуткой.

Джеффри, однако, понял смысл этих слов. Вице-президент Лоренс Нейф имел особое мнение по вопросу о том, каким образом следует выстраивать отношения с одним из последних оплотов коммунизма. Публично поддерживая намерения Бишопа разрешить неурядицы с Китаем с помощью дипломатических средств, он тем не менее, оказываясь вдали от телекамер, ратовал за более агрессивный подход.

– Вам непременно удастся сгладить все противоречия, – сказал Джеффри. – Я в этом не сомневаюсь.

– Опять ваш чертов оптимизм! – Заметив, что госсекретарь жестами просит его подойти, президент снова похлопал Джеффри по плечу и с усталой улыбкой проговорил: – Похоже, настало время вернуться к штопанью прорех в американо-китайских отношениях.

Стоило президенту договорить, как земля под ногами стоявших задрожала. Джеффри почувствовал, как президент сжал пальцами его плечо. Оба мужчины отчаянно пытались удержаться на ногах.

– Землетрясение! – крикнул Джеффри.

Вокруг звенело бьющееся стекло. Джеффри задрал голову, прикрывая ладонью лицо от падающих осколков. Все стекла в губернаторском зимнем саду вылетели в один и тот же миг. Несколько человек из тех, кто находился у самых стен, теперь, израненные и окровавленные, сраженные обрушившимся на них дождем из битого стекла, лежали на полу.

Джеффри хотел было броситься к ним на помощь, но не захотел оставлять президента. На другой стороне атриума члены китайской делегации, стремясь найти убежище, ринулись внутрь губернаторского особняка.

Под ногами Джеффри возник и стал нарастать угрожающий гул. Стоявшая на столе ледяная скульптура лебедя разлетелась на мелкие кусочки.

Государственный секретарь в сопровождении двух дюжих агентов секретной службы пробивался к ним сквозь обезумевшую от ужаса толпу. Оказавшись рядом с президентом, Том Эллиот схватил его за локоть. Чтобы быть услышанным в грохоте разрушений и доносившемся из-под земли гуле, ему приходилось кричать:

– Давай, Дэн! Нужно возвращаться на борт номер один! Если этот остров разваливается на куски, я хочу, чтобы ты находился в безопасности!

Президент стряхнул его руку.

– Но я не могу... – начал он, однако не успел договорить.

Где-то на востоке раздался громкий взрыв, и в воздухе полыхнул огненный шар.

Первым заговорил Джеффри:

– Сэр, вы должны идти!

На лице президента Бишоп читалось напряжение и озабоченность. Джеффри знал, что этот человек служил во Вьетнаме и его было не так-то легко выбить из колеи.

– Ты должен! – подхватил Том. – Ты не имеешь права рисковать собой, Дэн! По крайней мере, ты не можешь позволить себе эту роскошь, после того как принес присягу, вступая в должность!

Президент уступил этому доводу. Звуки землетрясения нарастали, по стенам особняка побежали трещины.

– Ладно, пошли, – согласился он наконец. – Но я чувствую себя трусом.

Президент, сопровождаемый двумя телохранителями, направился к выходу из атриума, а госсекретарь повернулся к Джеффри и проговорил:

– Я приказал подать лимузин. Оставайся с Бишопом. Проследи, чтобы он любой ценой оказался в самолете.

– А... А как же вы?

– Я постараюсь собрать как можно больше членов нашей делегации и привезти их в аэропорт. – Прежде чем уйти, Эллиот направил на Джеффри твердый взгляд и добавил: – Проследи за тем, чтобы самолет вовремя поднялся в воздух и президент не оказался здесь в ловушке. Нас не ждите.

Джеффри сглотнул застрявший в горле комок, кивнул и тоже поспешил к выходу.

Оказавшись вновь рядом с президентом, он услышал, как тот пробормотал, обращаясь к самому себе:

– Похоже, китайцы были правы.

III И после

18 часов 45 минут по тихоокеанскому

поясному времени

Сан-Франциско, Калифорния

Приближалась ночь. Дорин Макклауд пробиралась через груды вывороченного асфальта по направлению к Русскому холму. От немногих уцелевших она слышала, что там разбили лагерь добровольцы из Армии спасения. Дорин мучили жажда и голод; по мере того как неизбывный туман с залива заволакивал растерзанный город, становилось все холоднее. Череди подземных толчков наконец закончилась, но они успели сделать свое дело: Сан-Франциско был разрушен.

Измученная, с дрожащими ногами, Дорин оглянулась через плечо и посмотрела на то, что осталось от некогда прекрасного города, раскинувшегося на берегу океана. Вонь пожара и копоти пропитала все вокруг. Там и сям в туманной дымке полыхали зарева, делая картину опустошений похожей на пейзаж преисподней. Изрезанный широкими трещинами, словно по нему ударили гигантским молотком, Сан-Франциско от того места, где находилась Дорин, и вплоть до самого побережья лежал в развалинах.

Машины служб спасения все еще продолжали завывать, но спасать больше было некого. Уцелевшие здания можно было сосчитать по пальцам, а большинство либо превратились в руины, либо стояли с обвалившимися фасадами, демонстрируя исковерканное содержимое комнат.

От жуткого вида трупов, встречавшихся на ее пути, Дорин онемела. Из раны на ее голове сочилась кровь, но боль, которую она испытывала, исходила из сердца и нарастала по мере того, как ей встречались все новые семьи, обездоленно жавшиеся возле своих разрушенных домов. И у всех этих несчастных были совершенно одинаковые глаза – мертвые и пустые.

На вершине следующего холма возникло свечение. Это был не огонь пожара, а ровный белый свет, и в душе Дорин возродилась угасшая было надежда. Это наверняка лагерь Армии спасения! Она пошла дальше, желудок у нее свело, и она все ускоряла шаги, повторяя:

– Ну пожалуйста...

Перебравшись через опрокинутый автобус, Дорин наконец приблизилась к источнику света. На руинах магазина хозтоваров копошились грязные, перепачканные сажей мужчины. Они вскрыли ящик с ручными фонариками и передавали их по цепочке. Учитывая то, что вскоре на побережье должна была опуститься ночь, это было весьма ценным приобретением.

Дорин подошла ближе. Может, они дадут один фонарик и ей?

Двое мужчин посмотрели в ее сторону, и она уже хотела обратиться к ним с просьбой о помощи, как вдруг заметила какой-то нехороший блеск в их глазах и осеклась. Дорин остановилась и заметила еще одну странную деталь: все мужчины были одеты одинаково. Пристотрившись внимательнее, она увидела, что на спинах их роб значились номера и слова «Муниципальная тюрьма Калифорнии. Осужденный». Глядя на нее, они ухмылялись.

Она повернулась, чтобы кинуться наутек, но наткнулась на одного из сбежавших уголовников. Дорин попыталась оттолкнуть его, но он откинул ее руку, а затем сильно ударил по лицу, отчего она упала на землю. Ослепшая от боли и потрясения, Дорин слышала шарканье ног – это подошли другие вырвавшиеся на свободу зеки.

– Не-ет, – простонала она, свернувшись в клубочек.

– Оставь ее! – пролаял один из подошедших. – У нас нет времени. Нужно уматывать из этого сраного города, покуда не заявила национальная гвардия.

Его слова были встречены недовольным ворчанием, однако Дорин снова услышала шарканье ног и поняла, что страшные люди уходят. От пережитого испуга и внезапно нахлынувшего облегчения она заплакала.

Главарь бандитов встал прямо над ней.

Дорин подняла заплаканное лицо, собираясь поблагодарить его за свое спасение, но застыла от ужаса, увидев ствол пистолета, направленный ей в лицо.

– Возьмите побольше патронов! – проорал главарь своим подручным. – И не забудьте походные газовые плитки с баллонами.

Затем, даже не взглянув на женщину, он нажал на курок.

Дорин услышала сухой треск выстрела, ее тело отбросило назад, а затем мир вокруг нее почернел и перестал существовать.

*20 часов 15 минут по тихоокеанскому
поясному времени (18 часов 15 минут
по местному времени)
Алеутские острова, Аляска*

Приближалась ночь. Джимми Помотук держался за идола с изображениями божеств, которым поклонялись его предки. Если раньше идол стоял на вершине Ледяного пика, то теперь плыл по морю, покачиваясь на волнах, а Джимми цеплялся за него. Он изо всех сил пытался держаться над водой, а волны норовили перехлестнуть через идола, накрывая Джимми с головой.

Несколько часов назад, когда волны поднялись до скал Ледяного пика, Джимми с помощью походного топорика, позаимствованного из хижины, где они грелись, вырубил идола из бетонного основания. У него было для этого достаточно времени, так как остров тонул на удивление медленно. Когда вода подошла к вершине, Джимми бросил идола в воду, как обычное бревно. Англичане убежали еще раньше, направившись в сторону Порт-Ройсона и не слушая предупреждений Джимми о том, что они бегут навстречу смерти. Паника сделала их глухими.

Оказавшись в одиночестве, он бросился в воду и поплыл к качавшемуся на воде идолу. На утесе остался лишь Нанук. Огромный маламут не знал, что делать, и растерянно метался по краю скалы. Джимми не мог сделать ничего, чтобы спасти старого пса. Самому бы уцелеть!

С тяжелым сердцем он оседлал идола и стал грести ладонями, направляясь к видневшимся в отдалении уцелевшим островам. Лай Нанука доносился до его слуха до тех пор, пока вода не сомкнулась над вершиной Ледяного пика.

А потом произошло чудо. За спиной Джимми неожиданно снова послышался лай. Нет, это был не призрак. Обернувшись, он увидел, как в нескольких ярдах позади него черно-белый пес ожесточенно бьет лапами по воде.

В сердце Джимми перемешались радость и тревога. Старый Нанук не хотел сдаваться и бросился в воду следом за хозяином. Джимми был готов сделать все, чтобы спасти мохнатого друга.

– Давай, Нанук! Давай, мальчик! – крикнул он сквозь сжатые зубы.

Собака ответила лаем, и на растрескавшихся, посиневших от холода губах человека появилась улыбка.

Но в этот момент он увидел, как из воды позади энергично гребущей лапами собаки что-то поднялось. Длинный черный плавник, слишком длинный для акулы. Орка! Кит-убийца!

Сердце Джимми сжалось. Он протянул руку по направлению к собаке, но все было бесполезно. Плавник отделился, и Джимми стал молиться старым божествам, чтобы они спасли его друга.

Внезапно вокруг собаки вспенилась, забурлила вода, и Нанук жалобно взвыл, предчувствуя близкую смерть. А затем собака исчезла под водой, которая тут же окрасилась красным. На мгновение над ее поверхностью вновь показался черный плавник и тут же исчез.

Словно лишившись способности двигаться, Джимми сидел на идоле, впившись пальцами в изображения своих древних божеств – Медведя, Орла и Орки. Поверхность воды быстро успокоилась, и теперь ничто не напоминало о молниеносной и жестокой атаке.

Освещение неуловимо изменилось, и, ощутив это, Джимми поднял лицо. Темнеющие небеса залил неестественный красный свет. Повернув голову, Джимми увидел его источник – сигнальная ракета, выпущенная с катера береговой охраны, рассекавшего волны в нескольких сотнях метров слева от него. Джимми замахал рукой и крикнул:

– Помогите!

Коротко взревела сирена катера. Его заметили. Затем с катера прозвучал голос, многократно усиленный мегафоном:

– Мы видим вас! Оставайтесь там, где находитесь!

Опустив руку, Джимми поудобнее уселся на бревне и облегченно выдохнул. А затем он почувствовал *это*. Чье-то присутствие совсем близко от него.

Прямо перед ним из воды появился длинный черный плавник и задел передний конец бревна, словно испытывая его на прочность.

Джимми медленно вытянул ноги из воды.

Затем на поверхности появился еще один плавник и еще... Стая китов-убийц медленно кружила вокруг намеченной жертвы. Джимми понял, что катеру нипочем не успеть вовремя. И оказался прав. Что-то толкнуло бревно снизу, подбросив его вверх на добрый ярд, и Джимми полетел в воду, хватаясь пальцами за воздух.

Он погружался все глубже. От холода Джимми перестал что-либо ощущать. Открыв глаза, он увидел огромные расплывчатые силуэты, продолжавшие кружить вокруг него. Он старался не шевелиться, но легкие уже горели, словно в огне, и Джимми стал медленно всплывать. Еще до того, как он достиг поверхности, одна тень подплыла ближе, и на секунду перед ним возник черный, величиной с кулак глаз. Джимми вынырнул из воды и, откинув голову назад, стал хватать ртом воздух.

Катер береговой охраны несся к нему полным ходом. Члены команды наверняка видели все происходящее.

Джимми закрыл глаза. Они слишком далеко.

Что-то сомкнулось на его ногах. Боли не было, только страшное давление. Он слишком замерз, чтобы чувствовать острые зубы. Когда луч прожектора с катера нащупал его, древние божества тащили тело Джимми в глубь океана.

*22 часа 56 минут по тихоокеанскому
поясному времени (18 часов 15 минут
по местному времени)
«Боинг-747-200В», высота – 30 000 футов,
курс – от острова Гуам*

Находясь в конференц-зале борта номер один, Джеффри Хессмайер наблюдал за тем, как реагирует президент на чрезвычайную ситуацию в мире. Вокруг длинного полированного стола собрались высшие чиновники администрации и правительства, а также советники главы государства.

– Проинформируй нас вкратце, Том. Насколько масштабны были землетрясения?

Госсекретарь, с перебинтованной и подвешенной на перевязи рукой, сидел справа от президента. Джеффри заметил, что от морфина, введенного ему для обезболивания, глаза Эллиота немного остекленели, но сам он оставался, как всегда, бойким и энергичным. Здоровой рукой он покопался в стопке компьютерных распечаток, лежавшей на столе.

– Сейчас еще слишком рано говорить о деталях, но, похоже, пострадал весь Тихоокеанский регион. Сообщения приходят как из его южной части, например из Новой Зеландии, так и с севера – с Аляски. А также из Китая, Японии и со всего западного побережья Центральной и Южной Америки.

– А из Соединенных Штатов? Оттуда есть какие-нибудь известия?

Лицо Тома потемнело.

– Сообщения носят разрозненный характер. В Сан-Франциско до сих пор в течение каждого часа происходят остаточные толчки, Лос-Анджелес горит. – Госсекретарь заглянул в один из листов. Было видно, что Тому не хочется оглашать его содержимое, но выбора не было. – Вся гряда Алеутских островов исчезла.

В зале послышались восклицания ужаса.

– Разве такое возможно? – спросил президент.

– Это подтверждается информацией со спутников, – мягко ответил Том. – Мы наконец начали получать сообщения с Гавайских островов. – Госсекретарь вытащил из стопки бумаг еще один листок. – Серия цунами ударила по островам через сорок минут после первых толчков. Гонолулу до сих пор находится под водой, а отели в Вайкики повалило, словно костяшки домино.

По мере того как продолжалась эта литания с перечислением всех бед, постигших мир, лицо президента бледнело, его губы сжались в тонкую полоску, а черты заострились. Президент Бишоп никогда еще не выглядел таким старым.

– Как много жертв! – еле слышно пробормотал он.

Том закончил свой отчет сообщением о взрыве вулкана, расположенного рядом с Сиэтлом, в результате чего город оказался погребен под трехфутовым слоем пепла.

– Огненное кольцо, – прошептал Джеффри себе под нос.

– Что вы сказали, мистер Хессмайер? – повернулся к нему президент.

Джеффри увидел, что глаза всех присутствующих обращены на него.

– Т-тихоокеанский регион издавна носит название Огненное кольцо, – заикаясь от волнения, проговорил он. – Это связано с его повышенной геологической активностью, которая проявляется в землетрясениях, извержениях вулканов, цунами.

Президент понимающе кивнул и обратился к Тому:

– И что теперь? Почему все это произошло так внезапно? Что стало причиной этого геологического взрыва?

Госсекретарь покачал головой.

– Это мы выясним не скоро. А пока нужно выкопать нашу страну из-под руин. Объединенный комитет начальников штабов и правительство собрались на совместное заседание по распоряжению вице-президента. Агентство по чрезвычайным ситуациям полностью мобилизовано и ожидает наших инструкций.

– Что ж, тогда за работу, – начал президент. – Нам предстоит...

Договорить он не успел. Самолет трянуло, и несколько высокопоставленных сановников вывалились из своих кресел. Президент, однако, усидел.

– Что это было, черт подери? – вскрикнул Том Эллиот.

Словно в ответ на этот вопрос, из интеркома раздался голос командира борта номер один:

– Прошу извинить за причиненные неудобства, но мы неожиданно попали в зону турбулентности. Возможно, в течение ближайших минут полет будет не совсем спокойным. Пристегните, пожалуйста, ремни безопасности.

В голосе командира Джеффри отчетливо различил нотки показной бравады, за которыми крылась неподдельная тревога. Очевидно, это заметил не только он один, поскольку президент сузившимися глазами поглядел на госсекретаря.

– Сейчас я все выясню, – сказал тот и расстегнул ремень.

– Подожди, – остановил Тома президент, положив ладонь на его раненую руку. Затем он повернулся к Джеффри и одному из телохранителей. – У вас, ребята, ноги проворнее, чем у нас, стариков.

– Конечно, – ответил Джеффри, расстегнув ремень, встал с кресла и подошел к двери, возле которой уже стоял одетый в синий костюм агент секретной службы.

Вдвоем, миновав комплекс личных помещений президента, они направились к пилотской кабине «Боинга-747». Когда они подошли к кабине, боковым зрением Джеффри заметил в иллюминаторе вспышку света.

– Что за... – начал он, и в этот момент самолет резко накренился.

Джеффри сильно ударился головой о переборку и упал на пол. В ушах у него стучало. Из-за двери пилотской кабины слышались безумные вопли: кто-то выкрикивал приказания, кто-то орал от страха. Джеффри заставил себя подняться и прильнул к иллюминатору.

– О боже! – непроизвольно вырвалось у него.

*23 часа 18 минут по тихоокеанскому
поясному времени (18 часов 15 минут
по местному времени)*

*Командный пункт ВВС, военно-воздушная
база Эндрюс, штат Мериленд*

Сержант диспетчерской службы Митч Клеменс схватил трубку красного телефона, висевшего сбоку от ряда радарных экранов, и вызвал по защищенной линии начальника. Поскольку база находилась в состоянии повышенной готовности, его соединили незамедлительно.

– Да? – послышался голос в трубке.

– Сэр, у нас возникли проблемы.

– Какие именно?

Потря от страха, Митч Клеменс не отрываясь смотрел на экран, где находилась точка с условным обозначением VC-25A. Обычно она светилась ярким желтым светом. Теперь точка мигала. Красным.

Когда сержант диспетчерской службы вновь заговорил, его голос дрожал:

– Сэр, мы потеряли борт номер один.

1

«Наутилус»

24 июля, 15 часов 35 минут

*В 75 милях к юго-западу от острова Уэйк,
Океания*

Джек Киркланд пропустил солнечное затмение.

Там, где он сейчас плыл, не было солнца, только непроницаемая тьма бездонных океанских глубин, а единственным источником света являлись две мощные ксеноновые лампы, установленные в носовой части одноместного подводного аппарата. Его новая игрушка, «Наутилус-2000», проходила свой первый экзамен на глубоководное погружение. Восьмифутовый титановый корпус мини-субмарины напоминал толстую торпеду, увенчанную колпаком из прочного прозрачного акрила. В нижней части судна располагалась рама из нержавеющей стали, на которой были укреплены аккумуляторные батареи и блок ускорителей.

Носовые прожектора образовывали светлый клин, взрезавший темноту на сто футов вперед. Джек прикоснулся к джойстику и поводил пучком света из стороны в сторону. Скопив глаза на глубиномер, он увидел, что тот показывает уже почти полторы тысячи футов. Судя по всему, до дна впадины оставалось совсем немного, не более двух морских саженей. Это подтверждал и усиливающийся писк сонара.

Поскольку плечи и голова Джека находились в прозрачном колпаке, он мог видеть все, что происходило вокруг. Хотя кабина и была просторной для большинства мужчин, Джеку с его ростом в шесть с лишним футов здесь, пожалуй, было тесновато. Ему подумалось, что это напоминает управление спортивным автомобилем с откидывающимся верхом, разве что здесь рулить приходилось ногами.

Две педали в полу были предназначены не только для контроля скорости, но и управляли четырьмя ускорителями в одну лошадиную силу каждый, что позволяло пилоту маневрировать во всех трех измерениях. Джек немного отпустил одну из педалей, суденышко послушно накренилось налево, и вот наконец из непроглядной тьмы появилось океанское дно.

Джек сбавил скорость, и лодка медленно вплыла в настоящую страну чудес – удивительный мир глубоководного оазиса.

Склоны цепи подводных гор перемежались характерными для морского дна Океании впадинами, покрытыми трубчатыми домиками огромных глубоководных червей-вестиментифер. Торчащие из трубок длинные кроваво-красные султаны их щупалец плавно покачивались, и Джек на мгновение почувствовал себя космическим путешественником, которого приветствуют какие-то диковинные формы инопланетной жизни.

По другую сторону лодки, на более пологих склонах, лежали вплотную друг к другу гигантские моллюски. Их раковины были открыты, и нежная бесформенная плоть, не зная усталости, словно фильтр, пропускала через себя морскую воду, содержащую органические и минеральные частицы, а также мелкие планктонные организмы. Между раковин деловито сустились крабы-галатеиды на длинных тонких ногах.

Внимание Джека привлекло какое-то движение прямо по курсу. Блеснув острыми зубами, в свете ксеноновых ламп проплыл толстый безглазый угорь. Следом за ним промелькнул выводок маленьких любопытных рыбок, возглавляемых солидного вида коричневой матроной. Нахальные рыбешки подплыли к прозрачному колпаку, и к ним тут же присоединилась их наставница, дивясь находившемуся внутри него невиданному чудвищу. На

боках рыбины засветились крохотные точки, сигнализируя о том, что дама готова защищать свою территорию и подопечных.

Свои способности к свечению демонстрировали и другие обитатели глубин. В подводном коралловом саду, раскинувшемся прямо под мини-субмариной, пульсировали розовые огоньки, а вокруг купола плясали сине-зеленые. Это были существа настолько крошечные, что разглядеть их невооруженным глазом было невозможно.

Это зрелище напомнило Джеку его детство, когда летними ночами он смотрел на сотни мерцающих в траве светлячков. Проведя юные годы в далеком от береговой линии штате Теннесси, он влюбился в океан в ту же секунду, как впервые увидел его. Джека заворожили его бескрайние просторы, бесконечная синева и изменчивое настроение.

Вокруг купола водили хоровод мириады разноцветных огней.

– Невероятно! – прошептал Джек, и лицо его расплылось в широкой улыбке. Океан до сих пор не переставал удивлять его.

В ответ ожил миниатюрный наушник.

– Что там у тебя, Джек?

Джек беззвучно выругался. Даже здесь, на глубине в полторы тысячи футов, он лишен возможности побыть в одиночестве!

– Ничего особенного, Лиза, – ответил он, – просто люблюсь подводным пейзажем.

– Как себя ведет лодка?

– Безупречно. Ты получаешь данные биодатчиков? – осведомился Джек, прикоснувшись к крохотному приборчику, закрепленному на мочке уха. Лазерный спектрометр, вмонтированный в электронный чип, постоянно контролировал уровень газов в его крови.

Доктор Лиза Каммингс получила грант Национального научного фонда США за исследования в области физиологического воздействия глубоководных работ на организм человека.

– Та-ак, поглядим, – протянула она. – Дыхание, температура, внутрикабинное давление, подача кислорода, поглотители двуокиси углерода... Все датчики радуют глаз зеленым светом. А как дела у тебя? Есть какие-нибудь признаки сейсмической активности?

– Нет, все спокойно.

Два часа назад, перед тем как Джек только начал погружение на «Наутилусе», геолог Чарли Моллиер сообщил о странных показателях сейсмографов, зарегистрировавших гармонические колебания в районе глубоководной горной гряды. Во избежание неожиданных неприятностей он предложил Джеку вернуться на поверхность.

– Посмотришь вместе с нами на солнечное затмение, – сказал Чарли со своим ямайским акцентом. – Это будет нечто, старик! Нырнуть можешь и завтра.

Джек отказался. Затмение его не интересовало. Если толчки усилятся, он всегда успеет подняться на поверхность, но за время долгого погружения странные сейсмические сигналы пропали, а голос Чарли, раздававшийся в наушнике, стал звучать гораздо спокойнее.

Джек прикоснулся к микрофону у подбородка.

– Вы там все наверху еще продолжаете нервничать? – спросил он.

После непродолжительной паузы в микрофоне послышалось неохотное:

– Да.

Джек представил себе, как светловолосая Лиза в этот миг закатила глаза.

– Спасибо, Лиза. Я отключаюсь. Хочу хоть немного побыть наедине с собой.

С этими словами он снял с мочки уха биодатчик.

Это была хоть и небольшая, но победа. Остальные датчики биосенсорной системы будут продолжать отправлять данные о том, что происходит, в кабинет, но его личные данные теперь недоступны для находящихся наверху. Это, по крайней мере, подарило ему ощущение некоторого уюта и изолированности от надводного мира – то, что Джек больше всего

ценил в подводном плавании. Уединенность, покой, тишина. Теперь, когда он был затерян в океанских глубинах, прошлое утратило над ним власть и не могло преследовать его.

Из динамиков субмарины слышались странные пульсирующие звуки подводного мира, эхом разносившиеся в тесном пространстве кабины: жутковатый хор, состоящий из хрипов, попискивания, высокого визга. Вокруг простирался мир, не просто чуждый, а смертельный для обитателей земли. Чернильная тьма, чудовищное давление, токсичные воды. Но жизнь каким-то образом обустроилась и здесь, черпая силы не в солнечном свете, а в ядовитых для всего остального клубах сероводорода, поднимавшихся из жарких отверстий подводных гейзеров, так называемых черных курильщиков.

В этот момент субмарина Джека проплывала как раз над одним из них. Это было напоминающее дымоход коническое сооружение высотой около тридцати метров. Потрясенные вращением винтов белые бактерии, мирно покоившиеся до этого на склонах подводных неровностей, закружились диковинной метелью позади лодки. Эти микроорганизмы представляли собой основу существующей здесь жизни, выполняя в совокупности функцию двигателя, перерабатывающего сернистый водород в энергию.

Джек обогнул курильщика по широкой дуге. Показатели датчиков наружной температуры сразу же поползли вверх. Температура внутри самих курильщиков могла достигать почти четырехсот градусов по Цельсию – вполне достаточно, чтобы субмарина Джека превратилась в пароварку, а он сам – в изысканное лакомство, недоступное, впрочем, для здешних обитателей.

– Джек! – послышался в наушнике озабоченный голос медика. Видимо, Лиза заметила, что приборы зарегистрировали повышение температуры, и встревожилась. – В чем дело?

– Не волнуйся, это всего лишь курильщик, – успокоил он ее.

Нажав на педаль, он заставил лодку изменить курс, и она снова плавно двинулась над дном впадины. Хотя Джека восхищало все, что он видел вокруг себя, у него были дела поважнее, чем любоваться подводными пейзажами.

На протяжении последних лет он и его команда, обосновавшись на борту спасательного судна «Фатом»⁶, охотились за останками «Кайо-Мару» – японского грузового судна, затонувшего во время Второй мировой войны. В судовом манифесте было указано, что «Кайо-Мару» перевозило военные трофеи – большой груз золотых слитков. Внимательно изучив навигационные и метеорологические карты тех лет, Джек сузил круг поисков до десяти квадратных морских миль в районе горной гряды, расположенной в центре Тихоокеанского региона. Это была рискованная игра, и даже через год после начала поисков ничто не предвещало, что ставки окупятся. Вплоть до вчерашнего дня, когда их сонар зафиксировал какую-то необычную тень на океанском дне. И теперь Джек направлялся к этой тени.

Он взглянул на экран компьютера, куда выводились данные сонара, передаваемые с корабля. Чем бы ни являлся обнаруженный предмет, он находился сейчас примерно в сотне ярдов от субмарины. Джек переключил внимание на собственный сонар, тщательно прощупывавший каждый квадратный фут дна.

Из зеленой мглы выплыли очертания скалы. Джек надавил на нужную педаль, и судно обогнуло препятствие. Многообразные формы океанической жизни стали редеть. По всей видимости, подводный оазис остался позади. Расстилавшееся впереди дно превратилось в безжизненную пустыню. Винты субмарины поднимали с поверхности дна маленькие вихри ила. «Как будто едешь по пыльной дороге», – подумалось Джеку.

Прямо по курсу возникла еще одна скала – начало предгорья большой океанической гряды. Джек остановил лодку и сбросил часть балласта, намереваясь подняться и преодолеть препятствие поверху, как вдруг легкое течение захватило субмарину и потащило ее вперед.

⁶ От *fathom* (англ.) – морская сажень (182 см).

– Какого черта! – недоуменно пробормотал он, пытаясь направить судно вверх.

– Джек, – слышался в наушнике шепот Лизы, – ты что, проплываешь еще над одним курильщиком?

– Нет, но я не пойму, что... Ах черт!

Подлодка перевалила через гребень скалы, и Джек увидел то, что находилось по другую сторону.

– В чем дело, Джек? – В голосе Лизы звучал уже неподдельный страх. – Ты в порядке?

За горным кряжем открылась новая подводная долина, но это уже был не тот оазис, который встретился Джеку чуть раньше. Морское дно пересекали светящиеся трещины, из которых вытекала расплавленная лава, темнея по мере застывания. Крохотные пузырьки, которыми пенилась вода, мешали как следует рассмотреть происходящее. Течение продолжало тащить лодку вперед. Из динамиков гидрофона слышался непрекращающийся низкий гул.

– Боже милостивый...

– Джек, что ты нашел? Температура быстро поднимается!

Джек знал это и без приборов. С каждым вздохом он чувствовал, что в кабине подлодки становится все жарче.

– Это новая вулканическая расщелина.

В наушнике раздался второй голос. Это был Чарли, геолог.

– Будь осторожен, Джек, – сказал он. – Я по-прежнему получаю слабые сейсмические сигналы. Там, внизу, не все спокойно.

– Я пока не собираюсь возвращаться.

– Ты не должен рисковать... – заговорил Чарли, но Джек оборвал его коротким сообщением:

– Я нашел «Кайо-Мару».

– Что?!

– Судно здесь, но... я не знаю, как долго оно еще будет тут оставаться.

Когда субмарина перевалила через кряж, Джек внимательно осмотрелся. На дальнем конце раскинувшейся перед ним адской долины лежали останки длинного траулера, корпус которого разломился на две части. Сквозь зеленоватую мглу рубка корабля смотрела на Джека выбитыми иллюминаторами, на боку у носовой части были выведены знакомые японские иероглифы: «Кайо-Мару», что в переводе означало «весенний ветер».

Однако это название уже не соответствовало тому, на чем было начертано.

Вокруг останков судна текли потоки расплавленного камня: лава образовывала реки и озера, пылавшие во тьме дьявольским темно-красным светом. Нос корабля лежал прямо над одной из расщелин, из которых лава вытекала на поверхность дна. На глазах у Джека корпус корабля стал крениться, плаваясь в озере лавы.

– «Кайо-Мару» находится аккурат посередине преисподней, – сообщил Джек. – Сейчас подплыву поближе.

– Джек! – Это была снова Лиза, но теперь в ее голосе зазвучали стальные командирские нотки. Она, впрочем, колебалась, слишком хорошо зная Джека. После недолгой паузы Лиза попросила: – Пожалуйста, следи за уровнем внешней температуры. Титан не является жаропрочным металлом, и корпус, особенно в местах соединений, может...

– Я знаю и не буду рисковать без необходимости.

Джек нажал одновременно на обе педали. Субмарина стала отдаляться от скалы, одновременно поднимаясь вверх. Чем ближе она подплывала к обломкам кораблекрушения, тем выше поднималась температура за бортом. Двадцать три градуса, тридцать семь, сорок три...

На лбу Джека выступил пот, а его ладони стали липкими. Если хотя бы один из швов на корпусе лодки разоидется, его смерть станет вопросом нескольких секунд. Он поднял лодку еще выше – до того уровня, где температура опустилась до тридцати семи градусов. Довольный тем, что вновь оказался в безопасности, Джек поплыл дальше и вскоре оказался прямо над останками корабля. Двигаясь на самом малом ходу, он сделал круг над разломившимся корпусом.

Перегнувшись вбок, он стал рассматривать то, что находилось теперь прямо под ним. Со своей точки наблюдения Джек отчетливо видел отвалившуюся корму, лежавшую в добрых пятидесяти метрах от основной части корпуса. Напротив кормы, освещенные отсветами лавы из трещин и наполовину занесенные илом, были разбросаны большие ящики. Прележав под водой не одно десятилетие, дерево, из которого они были сколочены, почернело.

– Как это выглядит, Джек? – спросила Лиза.

Сощутив глаза, Джек пытался рассмотреть содержимое одного из ящиков, высыпавшееся из него.

– Не очень привлекательно, это уж точно, черт побери.

Подождав несколько секунд, Лиза спросила:

– А подробнее можно?

– Не знаю. Чтобы собрать деньги на эту экспедицию, я заложил свое судно и фамильное ранчо. И теперь вернуться с пустыми руками...

– Я понимаю, но все золото мира не стоит твоей жизни.

С таким аргументом не поспоришь. Он до сих пор тосковал по пологим зеленым холмам и выбеленным ветром изгородям. Джек унаследовал ранчо и сто акров земли после смерти отца, скончавшегося от рака поджелудочной железы. Долги заставили его бросить учебу в университете Теннесси и поступить на службу в вооруженные силы. Хотя Джек, конечно, мог продать это хозяйство и продолжить учебу, он не пошел на это. Эта земля принадлежала его семье на протяжении пяти поколений, но для Джека она была дорога не только из-за этого. К тому времени как не стало отца, его мать уже давно лежала в могиле, куда ее загнало глупое осложнение после элементарного удаления аппендицита. Когда она умерла, Джек был еще мальчишкой, единственным ребенком в семье. В его памяти сохранились лишь отрывочные воспоминания о ней, связанные именно с этим ранчо, и если бы не фотографии на старых стенах, не осталось бы и их. Джеку не хотелось расставаться с этими воспоминаниями, продав их вместе с домом какому-нибудь банку.

Из задумчивости его вывел голос Лизы.

– Я могу попытаться выпросить дополнительное финансирование в рамках моего гранта от Национального научного фонда, – проговорила она.

Именно благодаря этим выделенным правительством деньгам они смогли взять в аренду «Наутилус» с его биосенсорной системой.

– Этого не хватит, – проворчал Джек.

Втайне он лелеял надежду на то, что трофеи, найденные на «Кайо-Мару», позволят ему не только расквитаться с долгами, но и заниматься поиском подводных сокровищ в течение всей оставшейся жизни, не заботясь ни о чем другом. Но это стало бы возможным лишь в том случае, если грузовой манифест «Кайо-Мару» был точен.

Пропустив мимо ушей предостережения Лизы, Джек решил послушаться своего сердца и нажал одновременно на обе педали. Субмарина по узкой спирали начала опускаться к отломившейся корме «Кайо-Мару». Что страшного случится, если он краешком глаза взглянет на обломки?

Температура опять поползла вверх. Сорок градусов... сорок пять... пятьдесят...

Джек перестал смотреть на термометр.

– Джек, приборы показывают, что...

– Я знаю. Просто решил подплыть к судну поближе. Никакого риска.

– Но ты хотя бы подключись к биосенсору, чтобы я могла следить за твоими показателями.

Джек утер пот со лба и вздохнул.

– Как скажешь, мама. – Он прикрепил сенсор к мочке уха и спросил: – Теперь довольна?

– Безмерно. Главное, не будь самоубийцей.

За шутливыми словами Лизы Джек почувствовал неподдельную тревогу.

– Надеюсь, к моему возвращению вы не выхлебаете все пиво из холодильника, – сказал он.

– Постараемся.

Джек опустил субмарину позади кормы «Кайо-Мару» и остановил ее напротив открытого заднего трюма. Рядом с гигантскими гребными винтами мертвого судна «Наутилус» выглядел букашкой. Жизнь нашла себе место даже здесь. Покрытый ржавчиной корпус затонувшего судна превратился в разновидность рифа, дав прибежище моллюскам и кораллам.

Обогнув киль, Джек развернул субмарину и взглянул краем глаза на термометр. После того как махина корабля заслонила «Наутилус» от вулканических расщелин, температура, слава богу, стабилизировалась. По другую сторону «Кайо-Мару» все ярче разливался багровый свет, словно из сердцевины земли восходило какое-то адское солнце.

Спина Джека под неопреновой тканью глубоководного костюма взмокла, но он не обращал внимания на жару. Развернув «Наутилус», он направил свет прожекторов прямо в плотку трюма. Из черного отверстия на него уставились два больших глаза.

– Что за дьявольщина?..

И тут чудовище перешло в нападение, бросившись на лодку из своего рукотворного логова. Длинное, гибкое, серебристое тело морского змея с раскрытой в беззвучном вопле пастью, извиваясь, летело прямо на прозрачный купол кабины. Джек испуганно выдохнул и, пытаясь защититься, схватился за рычаг управления стальным манипулятором «Наутилуса», однако волнение помешало ему. Впрочем, в последний момент тварь длиной не менее семидесяти футов слегка изменила направление и со скоростью локомотива пролетела мимо купола. От возникших завихрений легкая субмарина завертелась вокруг собственной оси.

Джек проводил взглядом уплывающее в темноту чудовище. Теперь он сообразил, что это было: действительно редкое животное, но не змей, причем неожиданная встреча с чужеродным пришельцем напугала его не меньше, чем человека. Джек сглотнул застрявший в горле комок и перевел дух.

– Дьявольщина! – выругался он в сердцах, пытаясь остановить вращение лодки. – Какой дурак сказал, что подводных чудовищ не существует!

В наушнике послышалось шипение статических разрядов, а затем голос Лизы:

– Что там у тебя за чудовища?

– Да познакомился я тут с одним... длинным парнем. Ремень-рыба.

– Господи, Джек, твой пульс ускорился в два раза. Ты, должно быть...

В разговор вмешался третий собеседник, доктор Роберт Боначек, специалист по морской биологии.

– Ремень-рыба? – переспросил он. – Ты уверен?

– Да, причем очень крупный экземпляр, метров двадцати, не меньше.

– Фотографии сделать успел?

Джек покраснел, вспомнив охвативший его страх. Бывшему офицеру «морских котиков», спецназа ВМС США, не пристало так реагировать на появление подводного чудовища. Он снова вытер влажный лоб.

– Нет, не успел.

– Стыд и позор! – отчитал его биолог. – Об этих животных так мало известно! Никто даже не подозревал, что они могут жить на такой глубине.

– Этот точно является здешним обитателем. Свил себе гнездышко в останках «Кайо-Мару».

Джек двинул лодку вперед, освещая путь перед собой ксеноновыми прожекторами, и вскоре обнаружил место, где ремень-рыба устроила себе логово – уютное местечко возле самой кормы. «Наутилус» медленно вплыл в открытый трюм.

– Джек... – слышался в наушнике голос геолога Чарли, но его тут же заглушило шипение статических разрядов.

Толстые борта и переборки «Кайо-Мару» мешали связи. Даже патентованный глубинный радиопередатчик не мог преодолеть трехдвоймовый железный барьер. Джек прикоснулся к микрофону.

– Повтори еще раз.

Ответом было молчание, прерываемое лишь шорохом радиопомех.

В глубине трюма что-то тускло блеснуло, и Джек убрал ногу с педали, заставив лодку немного опустить нос. Теперь прожектора освещали пол трюма.

То, что Джек увидел у дальней стены, заставило его присвистнуть. Когда ремень-рыба в панике покидала свое убежище, она, видимо, взмахом хвоста задела лежавшую возле разбитых ящиков груды темных предметов, по виду напоминающих кирпичи, сбросив их верхний ряд, в результате чего обнажился следующий. И теперь, в свете ксеноновых прожекторов, золото сияло ярче, чем полуденное карибское солнце.

Не веря в свою удачу, Джек подплыл ближе и вновь взялся за джойстик, управлявший манипуляторами «Наутилуса». У него было достаточно времени для того, чтобы попрактиковаться в управлении этой штуковиной. Пошевелив джойстиком, он вытянул один манипулятор на всю его длину – пятнадцать футов, подвел к груды золотых кирпичей и захватил щупальцем манипулятора один из них. Втащив предмет в луч прожектора, второй железной «рукой» Джек поцарапал его поверхность.

– Золото!

Никаких сомнений не оставалось. Джек ухмыльнулся и захватил свободным манипулятором второй золотой брусок. Ему не терпелось поделиться радостью с товарищами, однако в наушнике по-прежнему слышалось только шипение. А он и забыл о том, что связь пока невозможна!

Осторожно, чтобы ни за что не зацепиться, Джек стал задним ходом выводить лодку из трюма, а в его мозгу уже прокручивались различные сценарии операции по подъему золота на поверхность. Баллоны с воздухом тут не помогут. По-видимому, придется прицепить какую-нибудь емкость, куда можно будет грузить слитки, и сделать несколько ходок со дна на поверхность.

Субмарина наконец выбралась из трюма и оказалась в открытом океане, и в наушниках сразу же раздались истеричные крики Чарли:

– Выбравшись оттуда, Джек! Уматывай! Спасай свою задницу!

– Что стряслось? – прокричал Джек в ответ, а затем взглянул на термометр и обомлел.

Температура подскочила почти на десять градусов, а он, поддавшись «золотой лихорадке», этого даже не заметил.

– Вот дерьмо... – растерянно пробормотал он.

– Показатели сейсмической активности зашкаливают! – продолжал надрываться Чарли. – Сигналы идут как раз оттуда, где находится «Наутилус»! Ты сидишь прямо на эпицентре извержения!

Армейские навыки Джека подхлестнули его. Будучи «морским котиком», он научился различать разные типы ситуаций: когда приказом можно манкировать и когда не выполнить

его нельзя. Сейчас была именно последняя. Он бросил субмарину вверх и в сторону, направляя ее в более прохладные воды и разгоняя до максимальной скорости в четыре узла. Вывернув шею назад и увидев, что происходит там, где он только что находился, Джек почувствовал, как его пробил холодный пот.

– Черт!

Передняя секция «Кайо-Мару» уже наполовину расплавилась в озере лавы, пересекающиеся крест-накрест трещины, из которых та выходила, расширились, но самым страшным было то, как выглядело в этом месте дно океана. Оно вспучилось и напоминало пузырь, который вот-вот лопнет.

Джек вдавил обе педали в пол, задрав нос субмарины к далекой поверхности океана, и сбросил оставшийся балласт. Электрические двигатели «Наутилуса» взвыли.

– Черт! Черт! Черт! – повторял Джек, словно молился Сатане.

– Джек, что-то происходит! Приборы сошли с ума!

Он услышал это раньше, чем почувствовал. Из динамиков гидрофона раздался устрашающий рев, словно над подводными горами прокатился раскат грома. А затем лодку настигла ударная волна, заставив ее содрогнуться от кормы до носа. Голова Джека ударилась об акриловый купол, он обернулся и посмотрел на то, что происходит внизу.

Прямо под ним взорвался подводный вулкан, и морское дно разверзлось огненной раной, из которой жутким фонтаном била раскаленная магма. По мере того как лодка Джека летела вверх, вода вокруг нее стала закипать. «Наутилус» бомбардировали огромные пузыри величиной с него самого, болезненно ударяя в днище прозрачными кулаками. Джек попытался восстановить контроль над лодкой, но та не слушалась и продолжала хаотично метаться в восходящем потоке, крутясь подобно волчку вокруг своей оси. Джек ощутил во рту вкус крови, попытался связаться с «Фа томом», но в наушнике раздавалось только шипение.

Безуспешно сражаясь с приборами управления, Джек лихорадочно соображал. Нужно было во что бы то ни стало выбраться из вулканического потока. Ему вспомнилась одна из заповедей, которые вбивались в молодые головы «морских котиков» опытными инструкторами: чтобы справиться с приливным течением, пловец должен перестать бороться с ним.

Он снял ногу с правой педали и нажимал теперь только на левую. Тем самым вместо того, чтобы остановить вращение, он еще больше усилил его. Усилил до такой степени, что вскоре центробежная сила выбросила его из кресла и придавила к стене кабины. Но даже в этом неудобном положении Джек продолжал давить на левую педаль.

– Давай же, давай! – лихорадочно шептал он.

Один из гигантских пузырей ударил в днище «Наутилуса» с особой силой, и нос вращающейся лодки задрался кверху. Словно пущенный из пращи камень, субмарина вылетела из вулканического потока.

Как только движение «Наутилуса» немного замедлилось, Джек снова уселся в пилотское кресло, и вскоре ему удалось полностью остановить горизонтальное вращение лодки. Задрав голову, он увидел, что сквозь толщу воды уже начал смутно пробиваться солнечный свет.

Шипение в наушнике прекратилось, и послышался голос Лизы:

– Джек, ответь! Джек, ты нас слышишь?

Он прикрепил на место микрофон, слетевший во время болтанки, и хрипло ответил:

– Да, у меня все в норме.

– Джек! – Облегчение в голосе Лизы подействовало на него как глоток прохладной воды. – Где ты?

Джек посмотрел на глубиномер. Двести двадцать футов! Ему не верилось, что лодка преодолела свыше тысячи футов подъема так быстро. Если бы не герметичность кабины,

внутри которой компрессоры поддерживали постоянное давление в одну атмосферу, кессонная болезнь уже убила бы его.

– Буду на поверхности примерно через три минуты.

Бросив взгляд на компас, Джек нахмурился. Стрелка бешено крутилась, не останавливаясь ни на секунду. Он постучал по стеклу прибора, но это не помогло. Тогда Джек оставил бесполезные усилия и проговорил в микрофон:

– Мой компас спятил, поэтому я не могу определить свое местоположение. Но как только вынырну, сразу же включу маяк, чтобы вы смогли меня обнаружить.

– А сам-то ты как? Не пострадал?

– Поцарапан и немного помят, а так – в норме.

На связь вышел Чарли.

– Для человека, у которого под задницей только что взорвался вулкан, звучишь вполне сносно. Ну и везунчик же ты! Как бы я хотел там быть!

Джек усмехнулся. Стать свидетелем рождения нового подводного вулкана было хрустальной мечтой любого геолога. Он потрогал внушительную шишку на голове и, поморщившись от боли, сказал:

– Поверь, Чарли, я бы тоже очень хотел, чтобы здесь был ты, а не я.

– А что с «Кайо-Мару»? – с надеждой в голосе спросил новый собеседник.

Джек удивился. Это был профессор Джордж Клейн, историк и картограф, редко покидавший судовую библиотеку.

От внезапно нахлынувшего отчаяния Джек едва не застонал.

– Мне очень жаль, док. Ее больше нет. И золота – тоже.

Джордж помолчал, а затем произнес с нескрываемым разочарованием:

– Что ж, мы даже не знаем, была ли информация в грузовом манифесте «Кайо-Мару» точной. Японцы часто фальсифицировали судовые документы, чтобы скрыть перевозки золота.

– Информация была точной, – мрачно ответил Джек, вспомнив большую грудку потемневших от ила «кирпичей».

В микрофоне снова послышался голос Чарли:

– Эй, Джек, похоже, потрепало не только тебя. Со всех концов света приходят сообщения: землетрясения и извержения вулканов прокатились по всему бассейну Тихого океана – от побережья до побережья.

Джек наморщил лоб. С тех пор как он променял мир людей на мир подводный, его мало волновала жизнь остальной части планеты. Если его и могло встревожить землетрясение, то лишь одно – то, которое только что лишило его не только целого состояния, но, возможно, и судна.

– Отключаюсь, – с тяжелым вздохом произнес он. – Буду на поверхности через минуту.

Вода постепенно становилась светлее, и вскоре купол «Наутилуса» выскочил из воды. После глубоководной тьмы солнечный свет ослепил Джека, и он прищурился. К западу от него поверхность моря бурлила и дымилась, а на юго-востоке виднелась черная точка. Это был «Фатом».

Джек нажал на кнопку аварийного оповещения, активировав навигационный маяк, а затем откинулся на спинку кресла и стал ждать. Через пару секунд его внимание привлек яркий отблеск прямо рядом с «Наутилусом». Заинтересовавшись, Джек выпрямился в кресле и, взявшись за джойстик, поднял из воды оба манипулятора. Увидев, что сжимают стальные клешни, он ахнул:

– Не может быть!..

Солнце ярко отражалось в двух больших брусках, зажатых в механических «руках» подлодки, с их гладкой поверхности стекала морская вода. Джек совсем забыл о том, что

взял их из трюма за секунды до начала извержения. Во время резкого всплытия трение воды очистило их от ила, но, к счастью, не сумело вырвать из цепких гидравлических клешней.

Джек радостно присвистнул.

– Жизнь налаживается!

На линии вновь раздался голос Джорджа:

– Джек, мы засекли твой сигнал.

– Отлично! – воскликнул Джек, едва ли уловив значение услышанного. Его душа торжественно пела. – Позаботьтесь о том, чтобы к моему прибытию на борту было холодное шампанское.

– А? Гм... Хорошо, – ответил Джордж, явно озадаченный. – Но, я думаю, тебе следует знать о том, что с нами только что связались по спутниковым каналам «Глобалстар».

Джек вернулся к реальности, наморщил лоб и спросил:

– Кто именно?

После долгой паузы последовал ответ:

– Адмирал Марк Хьюстон.

Его бывший командир по службе на флоте! Джека словно ударили в солнечное сплетение.

– Ч-что? 3-зачем?

От волнения он даже стал заикаться. Он надеялся, что больше никогда в жизни не услышит это имя. Ведь он оставил ту жизнь в прошлом!

– Адмирал передал нам координаты и приказал следовать в тот квадрат. Это примерно в четырех сотнях миль отсюда, и...

– Приказал? – перебил Джек, сжав кулаки до боли в пальцах. – Передай ему, чтобы засунул свои приказы в...

Теперь уже Джордж перебил его:

– Джек, произошла авиакатастрофа. Проводится спасательная операция.

Джек прикусил губу. В подобных ситуациях ВМС имели право отдавать приказание гражданским судам, в том числе и «Фатому», тем более что во всех судоходных реестрах он был зарегистрирован в качестве спасательного судна. И все же руки дрожать не переставали.

В памяти ожили картины из прошлого. Джек вспомнил, с каким благоговением смотрел на космический шаттл «Атлантис», блестевший в ярких лучах солнца Флориды, с какой гордостью думал, что станет первым «морским котиком», который полетит на этой птичке. Однако эти приятные воспоминания затенялись другими – мрачными: пламя, жгучая боль, рука в перчатке, которая тянется к нему, крики... скольжение, кувыркание... и падение в бесконечность.

Сейчас, в «Наутилусе», Джеку казалось, что он продолжает падать.

Беспомощно тряся головой, он не мог не то что ответить, а даже дышать.

– Джек, самолет, который упал в море... Это борт номер один.

2

Драконы Окинавы

25 июля, 6 часов 30 минут

Наха, остров Окинава, Япония

Согнувшись в три погибели за мусорным баком, Карен Грейс пряталась от военного патруля. Не успела она укрыться, как в переулок вошли двое вооруженных военных с фонариками в руках. Один из них остановился, чтобы закурить. Затаив дыхание, Карен беззвучно молилась о том, чтобы они ее не заметили. В свете спички она увидела нашивку на рукаве одного из военных: «ВМС США».

После вчерашних землетрясений во всех префектурах Японии, включая самый южный из группы островов Окинавы, было объявлено военное положение. Главный город префектуры, Наха, и его пригороды оказались наводнены мародерами. Местные власти, неспособные справиться с воцарившимся хаосом и разрушениями, обратились к американским военным базам с просьбой помочь в поисках уцелевших, разборе завалов и наведении порядка в наполовину разрушенном городе. Они же издали приказ о введении комендантского часа от рассвета до заката, и сейчас Карен стала нарушительницей, поскольку до восхода солнца оставалось не менее часа.

«Идите же, идите!» – мысленно понукала она военных, и, словно услышав ее, один из них поднял фонарик и осветил в переулок. Карен замерла и закрыла глаза, боясь, что малейшее ее движение привлечет внимание патрульного. Она предусмотрительно надела темную куртку и черные штаны, но свои русые волосы прикрыть не догадалась, и теперь ей казалось, что военные непременно заметят ее. Однако ничего не случилось. Свет погас, и послышались удаляющиеся шаги. Карен открыла глаза и выглянула из-за мусорного бака. Патрульные уходили, громко гогоча над какой-то сальной шуткой. С облегчением выдохнув, Карен прислонилась спиной к баку.

В этот момент из темноты рядом с ней послышался взволнованный шепот:

– Ну что, они ушли?

Карен встала с колен.

– Да, но мы чуть было не попались.

– Не нужно было нам все это затевать, – натужно проговорила сообщница Карен, на четвереньках выползая из кустов.

Карен помогла Миюки Накано подняться на ноги. Японка негромко, но весьма убедительно ругалась. Неудивительно, ведь английский был ее вторым языком. Бросив свою профессорскую должность в японском университете, Миюки переехала в США и два года работала в Пало-Альто, в фирме, предоставляющей интернет-услуги, где отлично выучила английский. Но сейчас и здесь хрупкая японская учительница выглядела явно не к месту, выбираясь из-под груды старых газет и подгнивших овощных отбросов. Миюки редко выходила за пределы своей стерильной компьютерной лаборатории в университете Рюкю, и еще реже ее видели в какой-либо иной одежде, помимо накрахмаленного и отглаженного белоснежного халата. Этим утром все было иначе.

На Миюки была темно-красная кофта и черные джинсы, причем оба эти предмета гардероба изрядно заляпаны. Сняв с плеча прилипший лист шпината, японка с отвращением отбросила его в сторону и сказала:

– Если бы ты не была моей лучшей подругой...

– Я знаю, – перебила ее Карен, – и... извинюсь. Уже в сотый раз. Но, Миюки, я ведь не звала тебя с собой, – добавила она, отвернувшись.

– Чтобы я позволила тебе в одиночку, да еще ночью, шастать по городу? А если бы ты встретилась с какими-нибудь негодьями? Нет, это очень опасно.

Карен кивнула. По крайней мере, последнее утверждение было полностью справедливым. Над разоренной Нахой завывали сирены, лучи прожекторов, установленных во временных лагерях спасателей, вычерчивали зигзаги по небу, несмотря на комендантский час, отовсюду доносились крики и выстрелы. Карен не ожидала, что в городе будет царить подобный хаос.

Миюки тем временем продолжала жаловаться на то, в какой опасной ситуации они оказались.

– Кто знает, кто нас там поджидает? Может, торговцы живым товаром? А может, наркочилеры?

– Это всего лишь местный рыбак. Само поручился за него.

– Ты веришь слову какого-то ненормального дряхлого уборщика?

Карен закатила глаза. Своим нытьем Миюки могла довести до белого каления даже мишку коала.

– Само не дряхлый и вполне нормальный. Если он сказал, что этот рыбак отвезет нас туда, где мы сможем увидеть Драконов, значит, так и будет. И потом, у меня есть вот это. – Карен приподняла полу куртки и продемонстрировала подруге наплечную кобуру. – Тридцать восьмой калибр, автоматический и полностью заряженный.

Глаза Миюки округлились, а от лица отхлынула кровь.

– Носить оружие в Японии – противозаконно! Откуда ты его...

– В такое время, как сейчас, девушка должна уметь защитить себя, – перебила ее Карен, крадучись подошла к выходу из переулка и выглянула на улицу. – Пусто! – сообщила она.

Миюки скользнула следом за ней, держась, однако, за спиной подруги.

– Идем!

Карен пошла первой, испытывая одновременно страх и возбуждение. Она подняла голову к небу: до рассвета осталось около часа, а значит, времени в обрез. Комендантский час или нет, она не собиралась пропустить назначенную встречу. Подобная возможность предоставляется человеку лишь раз в жизни. Три года назад она приехала в Японию из Британской Колумбии, чтобы закончить в университете Рюкю свою докторскую диссертацию о происхождении и путях миграции древних обитателей Полинезии. Собирая материалы, Карен услышала рассказ о Драконах Окинавы – двух подводных пирамидах, обнаруженных в 1991 году возле побережья острова профессором университета Масааки Кимура. Он сравнил найденные им сооружения с пирамидами майя в Центральной Америке.

Карен скептически относилась к этим, как ей казалось, фантазиям – до тех пор, пока не увидела фотографии: две ступенчатые пирамиды с террасами наверху, поднимающиеся на двадцать метров в высоту от морского дна. Увидев их, Карен загорелась. Существует ли некая связь между цивилизацией майя и полинезийцами? На протяжении последних десяти лет ученые продолжали находить подводные сооружения в прибрежных водах близлежащих островов – вплоть до Тайваня. Вскоре стало трудно отделить правду от вымысла, природные образования донного рельефа – от рукотворных построек.

А теперь среди рыбаков островной цепи Рюкю пополз слух: Драконы Окинавы поднялись из океана!

Было это правдой или нет, но Карен не могла упустить возможность лично обследовать пирамиды. Местный рыбак, нанятый для перевозки медикаментов и других предметов первой необходимости на отдаленные острова, предложил свои услуги, чтобы отвезти Карен туда, но – с ней или без нее – он должен был отплыть на рассвете. Именно поэтому, оседлав велосипед, она выехала из университета Нахи затемно, а потом играла в кошки-мышки с полицейскими и военными патрулями.

Карен бодро шагала по улице, получая удовольствие от ходьбы. Свежий ветер с моря растрепал ее распущенные светлые волосы, и она убрала упавшую на глаза прядь. Если полиция поймают их с Миюки, им обоим грозит немедленное увольнение из университета. Впрочем, подумалось Карен, Миюки, возможно, оставят. Ее подруга являлась наиболее публикуемым и востребованным сотрудником университета, имея в своем арсенале множество научных наград и степеней. Восхищенные отзывы о ее работах приходили со всех концов света, и она стала первой женщиной, выдвинутой на соискание Нобелевской премии в связи с исследованиями в области компьютерных технологий. Именно поэтому Карен не стала возражать, когда подруга увязалась за ней в рискованное путешествие. Если их поймают, известность Миюки, возможно, облегчит и участь самой Карен.

По крайней мере, она надеялась на это.

Карен взглянула на часы. Они едва-едва успевали. К счастью, на улицах здесь не было завалов. Во время землетрясений эта часть города отделалась, что называется, малой кровью: разбитыми стеклами, трещинами в стенах домов и всего несколькими разрушенными зданиями. Потери минимальные по сравнению с другими районами, превратившимися в горы щебня и перекрученной арматуры.

– Нам ни за что не поспеть вовремя, – проговорила Миюки, поправляя на плече сумку с фотоаппаратурой.

Хотя Карен прихватила с собой одноразовый «Кодак», подруга настояла на том, чтобы экипироваться по полной программе: цифровой фотоаппарат «Полароид», видеокамера и даже карманный компьютер.

Карен забрала у Миюки сумку и повесила ее себе на плечо.

– Успеем, – уверенно сказала она и ускорила шаг.

Вскоре они дошли до конца улицы. До залива оставалось пройти еще несколько сотен ярдов по следующей. Карен выглянула из-за угла и, убедившись в том, что улица пуста, двинулась дальше. Миюки последовала за ней. Запах моря становился все сильнее: в воздухе пахло солью и водорослями. Очень скоро они увидели огоньки на побережье залива и, вдохновленные, почти перешли на бег.

Когда женщины подошли к концу улицы, прозвучала резкая команда:

– Стоять!

В лицо Карен ударил луч фонаря, и она зажмурилась. Из темного пространства между двумя зданиями появилась мужская фигура. Свет фонаря опустился чуть ниже, и Карен удалось разглядеть на незнакомце форму американского моряка. Он направил фонарик на Миюки, а затем осветил вдоль улицы. Затем из темноты вышли еще двое моряков. Судя по всему, это был один из так называемых мобильных военных патрулей.

Первый моряк подошел ближе.

– Вы говорите по-английски? – спросил он.

– Да, – ответила Карен.

Моряк заметно расслабился и опустил луч фонаря к земле.

– Американка?

Карен сердито нахмурилась. За то время, что она жила в Японии, ей до смерти надоело отвечать на этот вопрос.

– Канадка, – сказала она.

– Я тоже из Канады, – кивнул моряк и знаком велел своим спутникам продолжать патрулирование. – Я возвращаюсь на базу, – сказал он им, – а с этими разберись сам.

Двое других внимательно осмотрели фигуры женщин и только потом, закинув винтовки на плечи, продолжили свой путь. Напоследок они поглядели на Миюки, пошептались и громко загоготали.

Карен стиснула зубы. Американским солдафонам было невдомек, что подобное поведение здесь было сродни оскорблению.

– Леди, а вы что, не слышали про комендантский час? – осведомился моряк.

– Какой еще час? – изобразила непонимание Карен.

Моряк устало вздохнул.

– Находитесь здесь в такой час, да еще двум женщинам, небезопасно. Я провожу вас домой. Где вы живете?

Карен сдвинула брови, пытаясь придумать ответ. «Время импровизировать!» – пронеслось в ее мозгу. Она сняла с плеча сумку с логотипом журнала «Тайм», в которой лежала камера Миюки, и, показав моряку, сказала:

– Я – внештатный сотрудник этого издания.

Затем Карен достала из кармана удостоверение сотрудника университета Рюкю и помахала им перед носом у соотечественника. С виду оно выглядело вполне солидно, а разбирать японские иероглифы моряк наверняка не умел.

– Вот моя аккредитация, выданная местными властями.

Моряк наклонился и стал сравнивать фотографию Карен на удостоверении с оригиналом. Он удовлетворенно кивнул, не желая признаваться в том, что не может прочесть ни слова по-японски.

Карен убрала удостоверение, продолжая при этом сохранять официальный вид, а затем представила Миюки:

– Это местная жительница, которую выделили мне в помощь, а по совместительству – фотограф. Мы готовим фоторепортаж о положении на Японских островах. Наш корабль отплывает на рассвете в направлении Тайваня, поэтому мы очень торопимся.

Во взгляде моряка все еще читалась подозрительность. Он почти поверил словам Карен, но не до конца. Положение спасла Миюки. Она расстегнула сумку, достала из нее цифровой фотоаппарат и защелкнула на ломаном английском:

– Какая удача, что мы вас встретили! Мисс Грейс только что говорила, что хорошо бы сделать несколько снимков американских военных, которые помогают местным жителям справиться с обрушившимся на них несчастьем. – Затем Миюки повернулась к Карен, кивнула в сторону моряка и спросила: – Ну как, подходит?

Карен была потрясена волшебным преображением маленькой компьютерщицы. Чтобы выиграть время, она долго откашливалась, а потом промямлила:

– Да-а... Пожалуй, подойдет. Для колонки «Будни американских миротворцев». – Карен сделала задумчивое лицо и склонила голову набок, рассматривая остолбеневшего войку. – Типичный американец. Именно такой, какой нам нужен.

Миюки подняла камеру и направила ее на моряка.

– Вы не против того, что вашу фотографию в журнале увидит вся страна? – спросила она.

У моряка округлились глаза.

– Что, правда?

Карен с трудом подавила улыбку. Она не знала ни одного американца, который остался бы равнодушен к обещанию славы, причем здравый смысл перед такими посулами неизменно пасовал.

Миюки обошла моряка, рассматривая его под разными углами.

– Гарантировать я, конечно, не могу, – заявила она, – решать все равно издателям «Тайм».

– Мы сделаем несколько снимков, – с важным видом заявила Карен. – Какой-нибудь из них наверняка подойдет. – Она сложила большие и указательные пальцы обеих рук в виде

рамки и посмотрела сквозь нее на моряка. – Американский миротворец... Хм, в этом что-то есть!

Миюки принялась фотографировать, веля моряку встать то так, то эдак. Покончив с этим, она убрала фотоаппарат в сумку и записала имя и личный номер моряка.

– Мы перешлем вам по факсу форму, вы заполните ее и отправите нам в Нью-Йорк. Но, Гарри, это обязательно нужно сделать до конца недели!

– Конечно! – закивал он с такой силой, что Карен испугалась, как бы у него не отвалилась голова.

Карен взглянула на светлеющее небо.

– Миюки, мы должны поторопиться. Корабль прессы может отчалить в любую минуту.

– Я могу проводить вас до пристани, – предложил моряк. – Мне все равно идти в ту сторону.

– Спасибо, Гарри, – поблагодарила Миюки. – Если вы проводите нас до четвертого причала, это будет замечательно. – Она наградила парня обольстительной улыбкой, а затем повернулась к Карен и страдальчески закатила глаза. – Пойдем, нам нельзя опоздать.

И они в сопровождении моряка поспешили к пристани. Серый рассвет посеребрил воду в заливе, между сваями и судами ныряли и пронзительно кричали чайки. Вся акватория порта была запружена обломками кораблей и шлюпок, разбившихся о скалы и причалы во время землетрясений. Сюда уже пригнали краны, тяжелую технику и специальное оборудование, для того чтобы извлечь все это из воды. Порт имел жизненно важное значение для города, и очистить его было необходимо в первую очередь.

К тому времени как солнце позолотило край неба на востоке, они наконец подошли к входу в порт.

Миюки и Карен поблагодарили Гарри и тепло попрощались с ним, а когда он ушел, поспешили к причалам.

Карен обернулась, чтобы проверить, не следит ли за ними их новый приятель, но того и след простыл. Тогда она повернулась к подруге и звенящим от сдерживаемого смеха голосом сказала:

– Ах ты, врушка! Теперь я никогда не смогу верить тебе!

– Но ведь правда забавно было? – Японка зарделась от этой своеобразной похвалы. – Удачно получилось, что в благодарность за годовую подписку на «Тайм» мне прислали сумку с логотипом журнала.

И обе женщины расхохотались, да так, что из глаз у них потекли слезы.

Карен направилась к причалу номер двенадцать, возле которого покачивалось на волнах небольшое, футов в двадцать, деревянное судно, нагруженное ящиками с заметной изда- лека символикой Красного Креста. Двое мужчин уже отвязывали причальные канаты.

– Подождите! – крикнула Карен, размахивая рукой.

Один из мужчин посмотрел в их сторону и сказал что-то неразборчивое третьему, который находился на борту. Сидящий японец, по-видимому капитан, оставил штурвал и встретил женщин на корме. На нем были джинсы «Левис» и зеленый дождевик. Протянув руку, капитан помог Карен и Миюки подняться на борт.

– Мы от Само, – проговорила Карен на скверном японском.

– Я знаю, – ответил японец по-английски. – Американка?

– Вообще-то канадка, – поправила она.

– Это одно и то же. Нужно отчаливать. Я и так слишком задержался.

Карен кивнула и опустила на палубу свою сумку. Ее и Миюки провели к заляпанной лавке рядом со свернутыми сетями. От вида и запаха крови и засохших рыбьих внутренностей, валявшихся на досках палубы, женщин едва не вывернуло.

Двое матросов отвязали канаты и запрыгнули на борт. Капитан, стоя возле рубки, пролаял какой-то приказ. Взревел двигатель, за кормой вспенилась вода, и посудина медленно отвалила от причала. Матросы встали по местам: один – на корме, другой – у правого борта, внимательно глядя впереди. Несмотря на низкую посадку рыбацкой шхуны, обломки в воде делали плавание рискованным предприятием.

Теперь Карен поняла, почему капитан хотел отплыть непременно на рассвете. С началом утреннего прилива эти воды станут еще более опасными.

Отойдя на приличное расстояние от пирса, они обогнули торчавшую из воды корабельную мачту с обвисшим на ее конце флагом.

На противоположном берегу залива полыхала военно-морская база США. Пламя било вверх из подземных цистерн топливного хранилища, вспыхнувших еще накануне, во время череды землетрясений. Густой маслянистый дым поднимался высоко в небо, а сверху кружили вертолеты, обрушивая на пожарище песок и морскую воду в надежде потушить его. Пока им это плохо удавалось.

Оглушая ревом моторов, над головами пролетел толстобрюхий серый военно-транспортный самолет. Капитан рыбацкого судна погрозил ему кулаком. Присутствие здесь американцев, в особенности военных, до сих пор бесило местных жителей. Еще в 1974 году было заключено соглашение, что эта земля будет возвращена островитянам, но выполнено оно так и не было.

Наконец судно вышло из залива и взяло курс в открытый океан. Ветер очистился от дыма, и капитан кивком приказал своему первому помощнику встать у штурвала, а сам подошел к пассажиркам.

– Меня зовут Оши, – представился он. – Я отвезу вас к Драконам, обратно мы вернемся еще до захода солнца.

– Великолепно! – кивнула Карен.

Японец молча протянул руку за вознаграждением.

Карен встала и вытащила из внутреннего кармана пачку купюр. Она увидела, что Оши заметил ее кобуру, и подумала: «Хорошо, пусть все сразу встанет на свои места». Она отсчитала половину оговоренной суммы, а остальные деньги сунула обратно.

– Вот, – сказала Карен, протягивая купюры капитану. – Остальное – после того, как вернемся в Наху.

Несколько секунд капитан выжидающе смотрел на нее, а затем сунул деньги в карман джинсов и проворчал что-то себе под нос. Карен вернулась к лавке и села.

– Что он сказал? – спросила она.

Миюки хитро улыбнулась.

– Сказал, что вы, американцы, все одинаковы: никогда не держите своего слова и поэтому сами никому не доверяете.

– Я не американка! – с отчаянием в голосе проговорила Карен.

Миюки хлопнула ее по колену.

– Если у тебя светлые волосы, ты говоришь по-английски и беззаботно швыряешься деньгами, для него ты – американка.

Карен попыталась изобразить обиженный вид, но не сумела, поскольку была слишком возбуждена этим приключением. Вскочив с лавки, она потащила подругу за собой.

– Пойдем! Если уж я американка и заплатила за экскурсию, то имею право на места получше.

Они подошли к носовым поручням. Судно в это время огибало южную оконечность Окинавы и проходило мимо крохотного островка Токакидзима. Цепь островов Рюкю протянулась широкой дугой почти до северной оконечности Тайваня. Драконы были располо-

жены у острова Йонагуни, который находился в часе пути, но все же относился к префектуре Окинава.

Один из матросов поставил перед женщинами поднос с двумя крохотными фарфоровыми чашечками зеленого чая и блюдцем с печеньем. Поблагодарив его по-японски, Карен взяла чашку и стала греть о нее руки. Миюки откусила кусочек печенья. Они молча смотрели на медленно проплывавшие мимо зеленые острова. Заросли кораллов окрашивали прибрежное мелководье в аквамариновый, розовый и изумрудный цвета.

Первой заговорила Миюки.

– Что на самом деле ты хочешь найти там, куда мы плывем? – спросила она.

– Ответы. – Карен оперлась на поручни. – Ты читала диссертацию профессора Масааки?

Миюки кивнула.

– Да, он пишет, что когда-то эти острова были частью затонувшего впоследствии континента. На мой взгляд, весьма спорная теория.

– Все нет. В период голоцена, примерно десять тысяч лет назад, уровень моря был на триста футов ниже, а это означает, что многие из нынешних островов могли быть соединены между собой сушей.

– Однако из своих собственных исследований ты знаешь, что острова южной части Тихого океана были заселены не десять, а всего пару тысяч лет назад.

– Знаю. Я не пытаюсь доказать, что ты не права, Миюки. Я просто хочу увидеть эти пирамиды собственными глазами. – Карен крепче вцепилась в поручень. – А вдруг найду подтверждение теории профессора Масааки? Можешь себе представить, что это будет означать? Это перевернет всю современную систему воззрений на историю региона, приведет к единому знаменателю множество теорий, которые сегодня противоречат друг другу! – Поколебавшись, Карен добавила: – Это, наконец, может даже объяснить загадку затерянного континента Му.

– Му? – сморщила носик Миюки.

Карен кивнула.

– В начале двадцатого века полковник Джеймс Чёрчуорд заявил, что он обнаружил письма племени майя, в которых говорилось о затерянном континенте, аналогичном Атлантиде, но расположенном в центральной части Тихого океана. Чёрчуорд назвал его Му и написал о нем целую серию книг и эссе. А потом его опорочили и обозвали лжецом.

– Опорочили? – переспросила Миюки.

– Да, – передернула плечами Карен, – никто больше не хотел верить моему прадеду.

– Прадеду? – еще больше удивилась японка. Глаза ее округлились. – Это был твой прадед?

Карен почувствовала, что краснеет. Она еще никогда и никому не рассказывала об этом.

– Полковник Чёрчуорд был моим прадедом по материнской линии. Когда я была маленькой, мама часто рассказывала мне о нашем печально известном предке и иногда, укладывая меня спать, даже читала мне отрывки из его дневников. Именно эти истории помянули меня впоследствии в южные районы Тихого океана.

– И ты полагаешь, что Драконы могут подтвердить теорию твоего родича?

– А почему бы и нет? – пожала плечами Карен.

– Сумасбродная идея! Все равно что искать вчерашний день.

«Искать вчерашний день? – с грустью подумала Карен. – Это вполне в духе нашей семьи». Двадцать лет назад ее отец бросил жену и дочерей, движимый идеей отыскать нефть на Аляске, и больше о нем не было ни слуху ни духу, если не считать заявления на развод, пришедшего по почте год спустя. После его бегства на семью обрушился целый ворох невзгод. У ее матери, брошенной с двумя дочерьми, не осталось времени для мечтаний. Ей

пришлось взяться за скучную работу секретарши, а потом вступить в не менее скучный второй брак. Старшая сестра Карен, Эмили, получив высшее образование и забеременев двумя близнецами, переехала в маленький городок Муз-Джоу.

Что касается Карен, то она унаследовала от отца его страсть к путешествиям и не могла усидеть на одном месте. Она откладывала чаевые, работая официанткой в ресторане «Летающая форель», занималась репетиторством и в итоге сумела скопить достаточную сумму, чтобы поступить в университет Торонто. Дипломную работу она писала уже в Британской Колумбии. Поэтому знающие ее люди не удивились бы, услышав, что в конечном итоге Карен Грейс занесло в самую сердцевину Тихого океана. Однако Карен все же извлекла кое-какие уроки из исчезновения отца: каждый месяц она отправляла матери чек на приличную сумму. Так что если в Карен и было что-то от отца, то только непоседливость, но никак не холодное сердце.

От воспоминаний ее отвлек крик, раздавшийся от капитанской рубки. Капитан показывал в сторону большого острова, южную оконечность которого сейчас огибало их судно, и что-то кричал по-японски.

– Приплыли, – коротко сказала Карен, прикрыв глаза ладонью. – Остров Йонагуни.

– Но я ничего не вижу, – растерянно проговорила Миюки. – А ты?

И тут из-за прибрежных скал, примерно в сотне метров от берега, из воды выросли две величественные пирамиды, широкие ступени которых были покрыты водорослями. По мере того как рыбацкая шхуна подплывала ближе, стали различимы детали: по террасам пирамид вышагивали белые журавли, выклеывая из водорослей морских ежей и крабов.

– Они настоящие! – выдохнула Карен.

– Этого не может быть! – благоговейно прошептала Миюки.

Туманная дымка рассеялась, позволив лучше рассмотреть открывшееся их взглядам зрелище. Позади пирамид из воды возвышались ряды покрытых кораллами колонн и сооружений без крыши, а в отдалении виднелась так же укутанная водорослями базальтовая статуя женщины в широком одеянии. Словно взывая о помощи, она воздела вверх свою каменную руку. Еще дальше просматривались непонятные нагромождения каменных обломков и разрушенныхobelisks.

– Боже ты мой! – ошеломленно воскликнула Карен.

Рядом с Драконами из морской пучины поднялся целый древний город.

3 Обломки

25 июля, 12 часов 15 минут

*В 82 морских милях к северо-западу
от атолла Эневак, Океания*

Джек развалился на капитанском месте в рубке «Фатома», положив босые ноги на соседнее кресло. Он был в белом махровом халате и красных плавках «Найк». Утро выдалось погожим, и с каждой минутой становилось все теплее. Хотя в рубке имелся кондиционер, Джек не стал его включать, ему нравилась влажная океанская жара.

Его правая рука лежала на корабельном штурвале. Со вчерашнего дня, когда «Фатом» покинул место гибели «Кайо-Мару», судно шло на автопилоте, но Джек ощущал себя увереннее, держа руки на штурвале. В глубине души он испытывал недоверие к разного рода автоматике и предпочитал лично контролировать любую ситуацию.

В уголке его рта торчала кубинская сигара «Президент», и дым от нее лениво поднимался к открытому окну. Из стоявшего позади него CD-проигрывателя «Сони» плавно текли звуки: Моцарт, Концерт ля мажор для кларнета с оркестром. Обычно это было все, что ему нужно: открытое море и красивый корабль, чтобы странствовать по нему. Но сегодня этого оказалось мало.

Джек просмотрел показания системы глобального позиционирования со спутника «Северная звезда-800». При той скорости, на которой судно шло сейчас, они прибдут в точку назначения примерно через три часа.

«Фатом» вызвали для участия в операции по спасению борта номер один – потерпевшего катастрофу президентского самолета. Корабль находился ближе других к месту аварии, был оснащен оборудованием для глубоководного погружения и в случае чрезвычайной ситуации наподобие этой обязан был подчиниться приказу. Джек понимал все это, но такая ситуация ему не нравилась. В конце концов, это *его* судно!

Джек вынул изо рта сигару и сердито ткнул горящим концом в пепельницу.

«Фатом» Джек купил на корабельном аукционе двенадцать лет назад на деньги, полученные от «Дженерал дайнэмикс» в виде компенсации после аварии «Атлантика». Восьмидесятифутовый «Фатом» был построен еще в 1973 году в качестве исследовательского судна по заказу Океанографического института Вудса Хоула. Помимо начальной суммы, которую выложил Джек, ему еще пришлось серьезно раскошелиться на то, чтобы превратить старую посудину в современный спасательный корабль. Он оборудовал его А-образной подставой и подверг капитальному ремонту дизельный двигатель «Катерпиллер». Но и это еще не все. Джек установил на «Фатоме» современное навигационное оборудование и настроил его таким образом, чтобы судно, отправляясь в автономное плавание, могло существовать в открытом море неделями. Он установил стабилизаторы компании «Наяда», компрессор для зарядки баллонов фирмы «Бауэр» и опреснительную установку фирмы «Виллидж марин».

Джек вбухал в «Фатом» все свои сбережения, но не жалел об этом, потому что очень скоро судно стало его домом. Более того, его миром. В течение нескольких лет он собрал команду ученых, так же, как и он, одержимых страстью к поиску подводных сокровищ, – теперь это была его новая семья. И вот спустя двенадцать лет его позвали в тот мир, который он оставил позади.

Дверь рубки тихонько скрипнула, и по ногам подуло ветром.

– Джек, что ты здесь до сих пор делаешь?

Это была Лиза. Она смотрела на него, сердито нахмурившись.

В шортах и топике она мало походила на дипломированного доктора и исследователя, окончившего Калифорнийский университет. От долгого пребывания под открытым солнцем ее кожа побронзовела, а волосы, и без того светлые, выгорели. Посторонний человек решил бы, что ей самое место на пляже, в обнимку со стройным, мускулистым красавцем, но Джек знал, что это не так. Таких специалистов, как она, еще надо поискать.

Лиза открыла дверь пошире, чтобы пропустить в рубку еще одного члена экипажа – крупного пса породы немецкая овчарка, который тут же подошел к Джеку, требуя ласки. Пес родился на борту «Фатома», от суки, которая случайно забрела на корабль и здесь же оценилась. Мамаша сразу же отказалась от щенка, а Джек пожалел пушистого бедолагу, взял его с собой и выходил. Это случилось почти девять лет назад.

– Элвис уже стал беспокоиться за тебя, – сказала Лиза.

Она уселась на стул рядом с Джеком, предварительно сбросив оттуда его ноги.

Джек похлопал старого пса по боку и указал на большую, набитую соломой подушку в углу.

– Место! – скомандовал он.

Элвис послушно отправился к своей лежанке, плюхнулся на нее и издал протяжный вздох.

– А сам-то ты почему не спишь? Ты вроде бы просил разбудить тебя на рассвете.

– Не спится.

Лиза отодвинула пепельницу, поставила на ее место кружку, которую принесла с собой, и взглянула на навигационные приборы. За те пять лет, что она плавала на борту «Фатома», женщина успела превратиться в заправского штурмана.

– Похоже, randevу состоится меньше чем через три часа, – сказала она и посмотрела на Джека. – Может, ты все же попытаешься подремать хотя бы пару часов? Нас ждет нелегкий день.

– Мне еще нужно...

– Уймись! – оборвала его Лиза и пододвинула к нему кружку. – Это травяной чай. Поможет расслабиться.

Джек наклонил голову к дымящейся кружке и понюхал. После запаха сигары ему показалось, что чай пахнет лекарствами, и, отстранившись, он вежливо ответил:

– Я – пас.

Лиза упрямо пододвинула кружку еще ближе к Джеку.

– Пей! Тебе врач приказывает!

Джек закатил глаза, взял кружку и сделал несколько глотков для вида. На вкус пойло было еще противнее, чем по запаху.

– Сюда бы сахару... – робко проговорил он.

– Сахару? – притворно возмутилась Лиза. – Ты хочешь испортить мой целебный чай? Как будто у тебя и без того мало вредных привычек! – воскликнула она, ткнув пальцем в пепельницу.

Сделав еще один глоток, Джек поднялся.

– Пойду проведаю Чарли. Посмотрю, как идут его опыты.

Лиза нахмурилась, ее губы сжались в тонкую полоску.

– Джек, ни Чарли, ни золото никуда не денутся. Отправляйся в свою каюту, задерни занавески и постарайся уснуть.

– Я только...

Лиза остановила его, подняв руку, однако ее лицо и тон смягчились.

– Послушай, Джек, мы все знаем, что ты сейчас чувствуешь. Все ходят вокруг тебя на цыпочках.

Он открыл рот, чтобы возразить, но Лиза снова не позволила ему договорить. Встав со стула, она раздвинула полы его рубашки и положила ладони ему на грудь. Это прикосновение не смутило Джека. Лиза видела его обнаженным не раз и не два. На таком небольшом судне это было неизбежно, и стыдливости приходилось потесниться. Более того, когда Лиза только появилась на судне Джека, между ними почти сразу же завязался роман, эдакая игра в любовь. Однако очень скоро выяснилось, что это было в большей степени физическое влечение, нежели потребность души. Без всяких объяснений они прервали эту связь и остались просто хорошими друзьями и компаньонами.

– Лиза...

Женщина провела пальцем по его ключице и темным волосам на груди. Он почувствовал тепло, но как только палец Лизы приблизился к его правому соску, это ощущение исчезло. Джек знал почему. Посередине его груди шли широкие полосы шрамов – следы старых ожогов. На фоне бронзовой кожи они выглядели бледными и безжизненными.

Когда Джек вновь ощутил ее прикосновение, он поежился. Палец Лизы опускался все ниже и наконец зацепился за резинку его плавок. Женщина притянула его к себе.

– Пойдем, Джек, – жарко прошептала она. – Прошлое не изменить. Можно лишь простить и забыть.

Мягко отстранив ее руку, Джек отступил назад. Легко было говорить это Лизе – девушке, которая раньше вела беззаботную жизнь в Южной Калифорнии.

Она посмотрела на него немного смущенно.

– Тебя ведь никто ни в чем не винил, Джек. Более того, тебя, черт побери, хотели наградить Медалью почета.

– Да только я не взял.

Джек отвернулся и пошел к двери. Авария космического челнока была для него настолько личной темой, что он не хотел обсуждать ее ни с кем. Ему хватало бесчисленных бесед, которые вели с ним в свое время психиатры военно-морских сил.

Выйдя из рубки, Джек торопливо спустился по трапу на палубу.

С тяжелым сердцем Лиза смотрела, как выходит из рубки этот большой мужчина. Элвис в углу поднял голову с тюфяка и тоже проводил хозяина взглядом, а потом тихо поскулил, жалуясь на какие-то свои, собачьи беды.

– Вот-вот, Элвис, ты меня понимаешь, – сказала Лиза, села в кресло, из которого только что поднялся Джек, и свернулась клубочком, поджав колени к подбородку.

Их страсть давно превратилась в пепел, но Лиза до сих пор ощущала тепло, оставшееся от прежних чувств. Она не могла забыть мощное тело Джека, прижимающееся к ней, жар его дыхания на ее плечах и груди, то, как он любил ее – сильно и в то же время нежно. Джек оказался опытным и внимательным любовником. Таких у нее еще не было. И все же крепких ног и сильных рук недостаточно для настоящей любви. Требуется еще более сильное сердце. Джек любил ее, в этом Лиза не сомневалась ни на секунду, но какая-то его часть была мертва и бесчувственна, как шрамы на груди. И Лизе не удалось излечить эту старую рану. Джек сам не хотел, чтобы она затянулась.

Лиза взяла кружку с травяным чаем и выплеснула ее содержимое в раковину. Перед тем как принести ее Джеку, она растворила в нем две таблетки гальциона. Джек нуждался в сне, и снотворное должно было помочь ему снять напряжение. По крайней мере, Лиза на это надеялась.

Она еще никогда не видела Джека в столь плачевном состоянии. Обычно это был веселый, открытый для шуток и розыгрышей человек, всегда готовый сострить и посмеяться чужой остроте. Однако бывали периоды, когда он вдруг замыкался в себе, отдалялся от окружающих и часами просиживал в каюте или рубке. В такие моменты все действительно начи-

нали ходить на цыпочках, чтобы не раздражать Джека и не мешать ему побыть наедине с собой.

Дверь с противоположной стороны рубки с грохотом распахнулась. От неожиданности Лиза подпрыгнула в кресле, а Элвис из своего угла предупреждающе гавкнул. В следующий момент в помещение, не прекращая спорить, ввалились двое мужчин.

Если обычно лицо Чарли Моллиера, как и любого уроженца Ямайки, было цвета крепкого кофе, то сейчас оно потемнело еще больше. Глаза геолога метали громы и молнии.

– Да ты что, издеваешься надо мной, Кендалл? – орал он. – Эти золотые бруски весят по пятьдесят стоунов каждый, а это значит, что они тянут по крайней мере на полмиллиона долларов!

Нисколько не впечатленный пламенной тирадой великана мулата, Кендалл Макмиллан лишь пожал плечами. Макмиллан был бухгалтером, которого «Чейз Манхэттен банк» откомандировал в экспедицию Джека после того, как выдал ему кредит под золото с «Кайо-Мару». В его обязанности входило присутствовать при подъеме золота на борт «Фатома» и хотя бы примерно оценить его общую стоимость.

– Возможно, мистер Моллиер, но произведенный вами лабораторный анализ показал наличие в слитках большого количества посторонних примесей. Он не тянет, как вы выражаетесь, даже на шестнадцать карат. Соглашайтесь, банк предлагает вам хорошую цену.

– Вы просто банда ворья! – со злостью сказал, будто выплюнул, Чарли. Только теперь геолог заметил присутствие Лизы и обратился к ней: – Нет, ты слышала что-нибудь подобное?

– Что происходит?

– Где Джек? – вопросом на вопрос ответил Чарли. – Я думал, он здесь.

– Был здесь, но спустился вниз.

– Куда? – Чарли направился к противоположному выходу из рубки. – Я должен рассказать ему...

– Нет, не должен! У капитана и без того выдался кошмарный день, а тут еще ты со своими заморочками. Оставь его в покое.

Лиза поглядела на Макмиллана. Если Чарли был одет в свои обычные мешковатые шорты и цветастую ямайскую рубашку, то на Макмиллане были пижонские парусиновые туфли на толстой каучуковой подошве от Сперри, брюки защитного цвета и модная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Этот бухгалтер средних лет находился на борту «Фатома» уже два месяца, но до сих пор выглядел белой вороной среди остальных членов команды. Даже его рыжие волосы были аккуратно подстрижены и причесаны.

– А что скажете вы? – спросила его Лиза.

Под ее взглядом Макмиллан выпрямился и расправил плечи.

– Как я уже объяснил мистеру Моллиеру, после проведенного им же химического анализа не может быть и речи о том, чтобы банк заплатил за это золото по текущей рыночной цене. В старых слитках полно инородных примесей. Чтобы подстраховаться, я связался по сотовому телефону с банком, и эксперты подтвердили мои выводы.

Чарли воздел руки к потолку.

– Это настоящее пиратство!

Лицо Макмиллана стало ледяным.

– Прошу оградить меня от этих хулиганских сравнений!

Лиза прижала ладони к вискам.

– Я не верю собственным ушам! – заговорила она. – Весь Тихоокеанский регион не может оправиться от чудовищного катаклизма, а вы двое устроили скандал из-за каких-то грошей и процентов! Неужели это не может подождать?

Мужчины сконфуженно потупились.

– Это он начал. – Макмиллан обиженно ткнул пальцем в сторону Чарли. – Я только назвал свою цену.

– Если бы он не...

– Хватит! Проваливайте отсюда – оба! И если я услышу, как вы вываливаете эти ваши дразги на голову Джека, вы пожалеете о том дне, когда ступили на борт «Фатома»!

– Я уже жалею, – пробурчал бухгалтер.

– Что-о?! – повернулась к нему Лиза.

– Ничего, – поспешно ответил тот, попятившись к выходу.

– А теперь – вон из рубки! – Она указала величественным жестом в сторону двери.

Мужчин как ветром сдуло.

В рубке вновь воцарился покой. Немецкая овчарка снова улеглась на свой тюфяк и закрыла глаза, мягкая классическая музыка наполнила помещение. Повернувшись в кресле, Лиза вытащила из проигрывателя диск.

– Почему Джеку нравится это барахло? – спросила она саму себя, положила на панель приемника свой собственный диск и нажала кнопку воспроизведения.

Рубка содрогнулась от грохота ударных и электрогитар чисто женской группы «Хоул». Девушки пели о недостатках и ошибках мужчин.

– Ну вот, совсем другое дело, – удовлетворенно сказала Лиза и откинулась в кресле.

С полуоткрытым ртом, Джек – прямо как был, в одежде, – лежал на койке в своей каюте и тихонько посапывал. Вид у него был вполне умиротворенный, но на самом деле он находился в эпицентре ночного кошмара, окрашенного оттенками гальциона.

В скафандре, привязанный тросом к шаттлу «Атлантис», он плыл, окруженный непроглядной чернотой космоса. Прямо под ним располагались открытые двери грузового люка. Он видел двух других членов экипажа, находившихся в рабочем отсеке. С помощью манипуляторов шаттла они пытались извлечь из грузового трюма большой спутник.

На борту спутника неестественно ярко сверкала эмблема «морских котиков» и название этого страшного оружия – «СПАРТАК». Оснащенный экспериментальной пучковой пушкой спутник стоимостью в полмиллиона долларов медленно поднялся из темноты трюма и расправил крылья солнечных батарей и телекоммуникационных антенн. Это было фантастическое зрелище: гигантская бабочка появляется из кокона.

Позади спутника ярко светила голубая сфера Земли.

Он поблагодарил звезды за то, что они предоставили ему возможность увидеть такое собственными глазами. Он никогда еще не видел ничего прекраснее. Его восторг усиливало сознание того, что вместе с ним этой красотой любовается женщина, чьи глаза светят даже ярче, чем звезды.

Дженнифер Спенглер была ученым и в составе экипажа отвечала за выполнение научной программы, а вчера вечером она к тому же стала его невестой.

Впервые они встретились шесть лет назад, когда товарищ по команде «морских котиков» познакомил его со своей сестрой, это и была Дженнифер. Затем они случайно столкнулись на тренировке, в которой он участвовал в качестве астронавта-дублера, и очень скоро полюбили друг друга. Они страстно искали встреч, закрывались в шкафах для одежды, целовались в темных и пыльных кладовках, бегали на дискотеку в бар «Приводнение» и даже устраивали полуночные пикники прямо на бетоне у Центра подготовки астронавтов. В те долгие бессонные ночи, под теми же звездами, которые светили ему сейчас, они мечтали о том, как счастливо сложится их долгая совместная жизнь.

И все же когда накануне вечером он застал ее одну в безлюдном переходе челнока и молча протянул золотое кольцо, его сердце билось как у школьника на первом свидании. Он не знал, каким будет ее ответ. Может быть, он слишком торопит события? Любит ли

она его так же сильно, как он ее? Несколько секунд, показавшихся ему бесконечностью, кольцо в его руке, словно в невесомости, парило в воздухе, и в нем отражался свет Луны. А потом она сказала «да» – без слов, лишь улыбкой и слезами.

Он блаженно улыбался своим воспоминаниям, когда устройство связи заговорило деловитым голосом Дженнифер:

– Отпускаю захват. Один, два, три. Все готово. Повторяю, все готово к пружинному пуску. Джек?

– Провожу визуальную проверку, – откликнулся он. – Подтверждаю.

– Показания приборов в норме, – проговорил находившийся за пультом управления командир полета полковник Дарем. – Все огоньки мигают зеленым. Вывожу груз через десять секунд. Десять... восемь... семь...

Время замедлило свой ход. Другие члены экипажа, находившиеся под спутником, как и было запланировано, потянулись к челноку. С разводным ключом в руке, он так же стал перебирать руками канат, подтягивая себя к боковому иллюзу. Они отработывали операцию по выводу спутника не меньше сотни раз.

Плывя к «Атлантису», он представлял тело Дженнифер и думал о том, как бы это было – любить ее прямо здесь, на виду у всей Земли. Вот это была бы первая брачная ночь!

– ...Шесть... пять... четыре...

Размечтавшись, он слишком поздно заметил ошибку. Одна из мачт, произведенных на заводе «Дженерал дайнэмикс», отошла не полностью. Он видел, как спутник переместился на несколько градусов по направлению к правому борту. О господи! Чтобы доложить об отклонении от плана, ему понадобилась всего одна секунда. Ровно на одну секунду позже, чем было нужно.

– ...Три... два...

– Прекратите вывод спутника! – неистово закричал он.

– ...Один...

Он видел, как сработал механизм пружинного запуска, выбросив спутник вверх. Пружины были разработаны таким образом, чтобы катапультировать космический объект на заранее рассчитанную орбиту, но из-за того, что одна из мачт не сработала, вся система дала сбой.

Все остальное происходило как в кошмарном сне.

Пятитонный спутник ударился в люк правого борта, и одна из солнечных батарей разлетелась вдребезги, врезавшись в обшивку челнока. Люк беззвучно выгнулся внутрь, сотни керамических плиток, отбитых от корпуса челнока, разлетелись в разные стороны, как игральные карты, уносимые ветром.

«Спартак» со сломанным крылом понесся в космос, устремившись к какой-то никому не известной орбите.

Когда спутник пролетал над ними, внутри его что-то вспыхнуло. Нагрузка на систему осевого наведения оказалась непомерной, и ее панель взорвалась.

Мертвый «Спартак» уплывал в открытый космос.

Несколько часов спустя он очнулся в среднем отсеке – пристегнутый к креслу и облаченный в спасательный скафандр. Чуть дальше, в кабине управления, пилот и командир экипажа, связавшись с НАСА, рассказывали о случившемся. Поврежденный люк удалось отремонтировать, но потеря большого числа защитных термостойких плиток делала возвращение на Землю рискованным.

План был таков: проникнуть как можно глубже в плотные слои атмосферы, а затем, если что-то пойдет не так, катапультироваться. Проблема состояла в том, что новая система спасения, установленная на корабле после трагедии с «Челленджером», еще даже не прошла испытаний, и никто не знал, как она поведет себя в экстремальной ситуации.

В коммуникаторе были слышны несколько голосов, шептавших молитвы.

Дженнифер сидела рядом с ним, в кресле астронавта-ученого. Когда он попытался успокоить ее, собственный голос показался ему чужим и далеким.

– Мы прорвемся, Джен. Иначе и быть не может. У нас ведь еще свадьба впереди.

Она кивнула со слабой улыбкой, но ничего не сказала. Ее лицо за прозрачным щитком шлема было белым как мел.

Он взглянул в другую сторону. Остальные астронавты также сидели в креслах – с напряженными спинами, сцепившись побелевшими пальцами в ручки. В кабине управления находились только пилот и командир. Командир потребовал, чтобы прочие члены экипажа находились в среднем отсеке, как можно ближе к люку экстренной эвакуации.

Перед началом спуска полковник Джефф Дарем, находившийся на связи с адмиралом Хьюстоном, произнес:

– Мы начинаем. Молитесь за нас.

Сквозь шипение радиопомех послышался ответ:

– Храни вас Бог, «Атлантис».

И вот челнок врезался в плотные слои атмосферы. Его трясло и швыряло из стороны в сторону. Все затаили дыхание и молчали.

На лбу у Джекса выступил пот. Температура повышалась слишком быстро, и с этим не мог справиться даже «умный» скафандр. Подумав, что, возможно, отказала встроенная система охлаждения, он проверил соединения, но – нет, все было в норме. Он посмотрел на Дженнифер. Ее шлем запотел и стал непрозрачным. Как ему хотелось дотянуться до нее, обнять ее!

Наконец пилот произнес слова, приятнее которых ему еще не приходилось слышать:

– Высота – шестьдесят тысяч футов. Мы почти дома, ребята!

В коммуникаторе раздались восторженные крики.

Не успело утихнуть всеобщее ликование, как корабль содрогнулся, его швырнуло в сторону, и Земля исчезла из иллюминатора. Пилот изо всех сил пытался стабилизировать полет, но у него ничего не выходило. Позже станет известно, что в том месте, где отлетели термостойкие плитки, корпус корабля перегрелся до такой степени, что взорвался дополнительный кислородный бак. Но в тот момент, когда челнок кувыркался в плотных слоях атмосферы, все испытывали только страх и боль.

– Пожар в отсеке!

Пилот продолжал бороться, пытаясь восстановить контроль над судном, но уже знал, что это бесполезно. Еще один страшный удар потряс челнок от кормы до носа.

– Пятьдесят тысяч футов! – прокричал пилот.

В интеркоме послышался голос командира:

– Приготовиться к катапультированию! Сбросить давление по моей команде!

– Сорок пять тысяч... Сорок...

Они быстро падали.

– Закрывать смотровые щитки! Активировать дополнительную подачу кислорода! Джек, открой выпускной вентиль!

Он с трудом встал с кресла. Парашют за спиной стеснял движения. Джек проковылял по брыкающемуся полу в угол отсека, ухватился за Т-образную рукоятку и повернул. Клапан будет медленно стравливать воздух из челнока, пока давление в нем не выровняется с наружным.

– Приготовиться! – приказал полковник Дарем. – Перехожу на автопилот.

Челнок снова содрогнулся и вздыбился, задрав нос. Один из астронавтов, который успел отстегнуть ремни безопасности, вылетел из кресла и врезался в потолок отсека. От удара его шлем раскололся, а сам он потерял сознание.

*Джек устремился к нему на помощь, но еще один астронавт замахал на него руками:
– Оставь его! Займи свое место!*

– Автопилот вышел из строя! – послышался крик командира. – Остаемся на ручном управлении!

Оглянувшись через плечо, Джек посмотрел на Дженнифер. Она пыталась выбраться из кресла, чтобы помочь раненому товарищу, но у нее ничего не получалось. Ее левая рука за что-то зацепилась.

– Тридцать пять тысяч! – сообщил пилот.

Челнок продолжал содрогаться всем корпусом.

– Я не могу справиться! Не могу справиться! – кричал пилот, словно доказывая это самому себе. – Иисусе!

Полковник Дарем виртуозно выругался.

– Катапультируйтесь! – заорал он. – Спасайте свои задницы!

Джек понимал, что они еще слишком высоко, но приказ есть приказ, и он повернул вторую Т-образную рукоятку. Дверь бокового шлюза вылетела, и его едва не вытянуло в открывшееся отверстие. Он удержался лишь благодаря тому, что мертвой хваткой вцепился в рукоятку стравливающего клапана. В коммуникаторе раздались панические крики, челнок перевернулся кверху брюхом, пол вспучился.

Краем глаза он увидел, как мимо него медленно проплывает Дженнифер, сжимая и разжимая пальцы в бесплодной попытке хоть за что-нибудь уцепиться. Парашюта на ней не было.

Боже праведный!

Джек изогнулся всем телом и ухватил ее за руку.

– Держись! – крикнул он.

В этот момент за его спиной прогремел взрыв. Дверь среднего отсека выбило, и в него ворвался огненный шквал, сжигая все на своем пути к пилотской кабине. Других товарищей Джек уже не видел. Огонь набросился на него и Дженнифер.

– Помогите! – позвал он, но ответа не услышал.

– Отпусти меня! – хватая ртом воздух, крикнула Дженнифер, пытаясь вырвать руку. – Иначе мы погибнем вместе!

– Держись! Держись, черт побери!

– Я не хочу утащить тебя за собой!

Дженнифер выпрямила вторую руку и отстегнула металлическую застежку, которой перчатка крепилась к рукаву скафандра.

– Нет!

Джек еще сильнее сжал ее руку, но было слишком поздно. Его ладонь сжимала лишь пустую перчатку. Словно в кошмарном сне, он почувствовал, что не может двигаться. Дженнифер, как в замедленной съемке, уплывала от него. Он попытался дотянуться до нее, но руки не слушались. Ему оставалось только смотреть.

Последнее, что он видел, было даже не испуганное лицо Дженнифер, а маленькое золотое кольцо на ее пальце, блеснувшее обещанием несбывшейся любви.

Оглохнув от собственных криков, он метнулся за ней, преследуемый по пятам стеной огня. Он вывалился в открытый люк за мгновение до того, как корабль начал вращаться вокруг своей оси. Над ним, едва не срубив ему голову, пронеслось огромное крыло челнока. Он падал, крутясь во всех плоскостях, задыхаясь и не в силах что-либо изменить. И все-таки даже в таком состоянии он вертел головой, пытаясь обнаружить присутствие Дженнифер, но синие небеса были пусты. Единственное, что нарушало их девственную голубизну, был дымный след от горящего челнока.

Плача навзрыд, он рванул кольцо. Первым раскрылся восемнадцатидюймовый вытяжной парашют, потащив за собой второй, четырехфутовый, и стабилизировав вращение. Но в разреженной атмосфере маленькие парашюты не могли замедлить скорость падения, они не были рассчитаны на это. Позже автоматически раскроется третий, но Джеку уже не суждено было это увидеть.

Его поглотила темнота.

Словно ударившись о землю, Джек внезапно проснулся на койке в своей каюте на борту «Фатома». Он резко открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. В мокрой от пота майке он встал с койки. Ноги его дрожали.

Потянувшись, он подошел к стенному сейфу, набрал нужную комбинацию и открыл его. Помимо судовых документов и банкнот на несколько тысяч долларов там лежала мягкая перчатка. Ее края и пальцы обгорели, но Джек не мог расстаться с ней. Не мог, как бы сильно ни хотелось ему расстаться с прошлым.

– Прости меня, Дженнифер, – прошептал он, прижав перчатку к губам.

Когда спасатели нашли Джека, лежавшего без сознания под упавшими на него парашютами, он все еще сжимал в руке эту перчатку. Из всего экипажа выжил он один. Он до сих пор чувствовал в своей руке пальцы Дженнифер – испуганной, уходящей от него.

В дверь каюты постучали. Джек вернул перчатку в сейф и вытер навернувшиеся слезы.

– Что надо? – раздраженно прорычал он.

– Я просто хотел сообщить тебе, Джек. Мы достигли места сбора.

Он узнал голос судового биолога и взглянул на часы. Прошло три часа.

– Хорошо, Роберт, сейчас буду.

Подойдя к умывальнику, он ополоснул лицо холодной водой, выпрямился и взглянул в зеркало. С его жестко очерченного подбородка стекала вода, густые волосы, несмотря на припорошившую виски седину, все еще оставались темными. Они у него были длинными, до плеч. С короткой армейской стрижкой он распрощался много лет назад. Джек зачесал мокрые волосы назад и вытер полотенцем бронзовую от загара кожу, а затем отвернулся, не в состоянии более смотреть на собственное отражение.

Вернувшись к реальности, Джек прислушался и заметил, что обычно ровный звук судовых двигателей слегка изменился. «Фатом» сбрасывал обороты. Джек торопливо натянул просторную рубашку и, не застегивая ее, прямо босиком направился к двери. Открыв ее, он увидел, что Роберт Боначек все еще дожидается его.

Главный биолог заметно нервничал, переминался с ноги на ногу и избегал смотреть Джеку в глаза. Двадцати лет от роду, Роберт был самым молодым членом команды, но при этом – самым серьезным и неразговорчивым. Увидеть на его лице улыбку было делом почти невозможным. Он окончил университет в нежном возрасте восемнадцати лет, получил степень магистра и уже два года плывал на «Фатоме», одновременно собирая материалы для докторской диссертации. Лиза говорила, что у него «старая душа, заключенная в молодую оболочку». Правильность этого определения подтверждалась тем, что на макушке молодого человека уже начала появляться плешь.

– В чем дело, Роберт?

Биолог покачал головой.

– Вы должны сами это видеть, сэр.

Молодой ученый повернулся и вышел на открытую палубу. Джек протиснулся в дверь следом за ним.

Солнце, висевшее над горизонтом, ослепило его, и он прикрыл глаза ладонью. На палубе уже находились все члены команды, за исключением геолога Чарли Моллиера. Круп-

ную фигуру ямайца Джек увидел в рубке и помахал ему рукой, а затем подошел к поручням, возле которых стояли остальные, вклинившись между Робертом и Лизой.

– Как спалось? – спросила она.

– Ты мне что-то подсыпала, верно?

Врач лишь пожала плечами.

– Тебе было необходимо поспать.

Джек хотел было устроить ей выволочку. С какой стати она обращается с ним как с ребенком? Он, в конце концов, капитан этого судна! Однако в этот момент его внимание привлекло необычное зрелище.

Обычно пустынная поверхность океана пестрела теперь десятками судов: траулерами, грузовыми, военными катерами, над которыми развевались флаги самых разных стран. В небе деловито стрекотали лопастями два вертолета «джейхок»; проследив взглядом траекторию их полета, Джек сообразил, что они поднялись с базы ВМС на острове Уэйк. Еще ниже барражировал пузатый «С-130». Самолет, видимо, всю ночь сканировал этот район своими радарными. Стало очевидно, что Национальный совет США по безопасности на транспорте бросил на поиски борта номер один все имевшиеся в его распоряжении ресурсы.

Словно прочитав мысли Джека, возникший позади него Джордж Клейн сказал:

– Национальный совет не теряет времени даром. Впечатляющая расторопность, учитывая то, в какой глуши мы находимся.

Наблюдая суматоху, царящую на тихоокеанских просторах, профессор попыхивал толстой трубкой. Если бы не она, Джордж ничем не напоминал бы шестидесятилетнего ученого из Гарвардского университета. На его мускулистом теле были лишь шорты и больше ничего. Жидкие волосы Клейна развевались на ветру. Джеку всегда казалось, что профессор невероятно похож на Жака Ива Кусто.

– Чем это пахнет? – наморщив нос, спросил Кендалл Макмиллан.

Джек принялся и тоже ощутил в воздухе едкий запах, а затем увидел слева по носу радужное пятно на морской поверхности.

– Топливо, – коротко обронил он.

Сомнений не оставалось: совсем недавно здесь произошло крушение.

Посередине пятна Джек заметил два покачивающихся на волнах красных предмета. Сигнальные буи, понял он. Их сбросили для того, чтобы обозначить место катастрофы, где следует искать тела.

– Надо было не ждать, а сразу же разбудить меня, – пробормотал он.

Джордж взглянул на судового врача, которая вдруг стала проявлять повышенный интерес к происходящему.

– И навлечь на себя гнев Лизы? Я бы скорее согласился очутиться в пасти большой белой акулы. Кроме того, Чарли связался с командующим спасательной операции всего час назад. – Увидев, как брови Джека удивленно поползли вверх, Джордж поспешно добавил: – С вице-адмиралом береговой охраны. Он прибыл сюда из Сан-Диего ночью. Судя по тому, что рассказал Чарли, не слишком-то дружелюбный тип.

– Какой помощи они от нас ожидают?

– Нам велено ждать, пока они не запеленгуют сигнал от «черных ящиков» борта номер один и не утвердят детальный план спасательной операции, но, похоже, Национальный совет по безопасности на транспорте больше всего интересуется наш «Наутилус».

– А адмирал Хьюстон? – вспомнил Джек о своем бывшем командире по службе в ВМС. – Ведь именно он вызвал нас сюда. Сам-то он здесь?

– Его ожидают завтра.

– Почему так поздно?

– Полагаю, из-за того, что гигантские шестерни американской военной машины крутятся медленнее, чем нужно. Он прибудет на «Гибралтаре». А все это, – Джордж ткнул черенком трубки в сторону суетящихся на море кораблей, – туфта, симуляция активности. Настоящими поисковыми работами здесь и не пахнет.

– «Гибралтар», – пробормотал Джек.

– Ты ведь катался на этой посудине?

Джек кивнул. Он прослужил на борту «Гибралтара» семь лет. Это был самый большой вертолетоносец военного флота США, который уступал по размерам лишь гигантским авианосцам. «Гибралтар» входил в состав печально известной десантной группировки «морские аллигаторы», совмещавшей ударную мощь морской пехоты со скоростью и мобильностью военно-морских сил.

– Гляди! – окликнул его Роберт.

Слева по борту, рядом с буями, на воде качались какие-то обломки. Еще несколько секунд назад их там не было. Джек прищурился.

– Дайте мне бинокль.

Роберт отошел и вскоре вернулся с биноклем «Минолта». Джек поднес окуляры к глазам, отрегулировал фокус и увидел то, что привлекло их внимание. На воде покачивалась спинка самолетного кресла. На красной ткани отчетливо виднелась синяя эмблема президента Соединенных Штатов. Внезапно накатившаяся волна перевернула кресло, мелькнула бледная человеческая плоть... безвольно свисающая рука... В глазах у Джека потемнело.

– Ну что, – нетерпеливо спросил Роберт, – это обломок?

Джек не смог ответить. Он вспомнил, как двенадцать лет назад после катастрофы «Атлантика» сам кувыркнулся в воздухе. Повези ему чуть меньше, тогда он мог бы выглядеть точно так же.

Лиза обеспокоенно прикоснулась к его плечу.

– Что с тобой, Джек?

Дрожащий, побледневший, он опустил бинокль.

– Не надо было нам сюда приходить, – проговорил он. – Ничего хорошего из этого не выйдет.

4 Заговор

*25 июля, 21 час 34 минуты
Овальный кабинет Белого дома,
Вашингтон, округ Колумбия*

Дэвид Спенглер ожидал за дверьми Овального кабинета. Несмотря на поздний час, все вокруг бурлило. По коридорам Белого дома носились секретари, курьеры и прочая мелкая сошка. Такая же суматоха царила не только на Пенсильвания-авеню, а повсюду в границах Белтуэй – кольцевой автомагистрали, опоясывающей Вашингтон. Журналистов то и дело созывали на пресс-конференции, на Капитолийском холме происходило экстренное заседание обеих палат Конгресса, а в перерывах сенаторы и члены палаты представителей вступали друг с другом в ожесточенные перепалки.

И весь этот ад происходил из-за исчезновения одного-единственного человека – президента Бишопа.

Это же событие заставило сегодня утром прилететь из Турции и самого Дэвида. Он вместе со своими оперативниками в спешном порядке и без объяснения причин был отозван с задания, которое они выполняли на границе с Ираком.

– Кофе, сэр? – окликнула его плоскогрудая девица с подносом, заставленным чашками. Он отрицательно мотнул головой.

Сидя в кожаном кресле, Дэвид продолжал рассматривать помещение – не двигаясь, лишь незаметно поводя глазами из стороны в сторону, но не упуская ни единой детали: приглушенного шепота, недосказанной шутки, легкого аромата духов. Он сделал глубокий вдох. В воздухе пахло новыми возможностями.

Его собственный босс, директор ЦРУ Николас Разиков, находился в кабинете у нового главы государства, вице-президента Лоренса Нейфа.

Нейф уже провел приватные встречи с каждым из членов бывшего кабинета министров Бишопа. Кого новая метла выметет из правительства? Слухи и догадки распространялись по коридорам власти подобно лесному пожару. Ни для кого не являлось секретом, что между политическими взглядами Бишопа и Нейфа лежала глубокая пропасть. Последнего пригласили в команду только затем, чтобы на президентских выборах завоевать голоса южан, а в результате эти двое почти постоянно конфликтовали. Дэвид подозревал, что сейчас все высокопоставленные чиновники соревнуются в том, кто из них окажется более удачлив в вылизывании задницы Нейфа. Единственным, к кому это не относилось, был директор ЦРУ. Нейф и Разиков всегда были близкими друзьями. Они вместе учились в Йельском университете и придерживались одинаковых позиций, когда речь заходила об иностранных посягательствах на интересы и безопасность страны.

На одном из официальных мероприятий в Белом доме Дэвиду как-то удалось наблюдать Нейфа вблизи, и тот со своей фальшивой улыбкой и снисходительным отношением к окружающим произвел на него впечатление слабого и неискреннего политика. И все равно, по мнению Дэвида, Нейф выгодно отличался от предыдущего хозяина Овального кабинета. Президент Бишоп был чересчур мягок, настоящий «голубь». Взять тех же китайцев. Он с ними нянчился, а Нейф предлагал занять значительно более жесткую позицию.

Всунув в ухо наушник от диктофона, секретарша Нейфа печатала на компьютере какой-то документ. Время от времени она смотрела на Дэвида и, когда он перехватывал эти взгляды, смущенно улыбалась. Высокий, широкоплечий и мускулистый Дэвид давно привык к такой реакции женщин. У него были коротко стриженные светлые волосы, рубленые черты лица,

а кожа за годы выполнения заданий в различных жарких странах стала бронзовой. До превращенной операции в Турции Дэвид выполнял задание в Ливане, где он и его ребята ликвидировали известного террориста вместе со всей семьей и подожгли отель, в котором тот жил, уничтожив тем самым любые возможные улики убийства. Все было проделано исключительно чисто.

Он безмерно гордился своими парнями, каждого из которых готовил и тренировал лично и каждый из которых был готов отдать за него жизнь. Вместе они являлись наиболее успешной группой по проведению тайных операций, и счет врагам государства, которых они отправили на тот свет, давно перевалил за тысячу.

На столе секретарши зазвонил телефон, и взгляд Дэвида метнулся в ее сторону. Сняв трубку, секретарша произнесла только две фразы:

– Да, сэр. Сию минуту, сэр, – а затем положила трубку и повернулась к Дэvidу. – Президент...

Поняв, что допустила непростительную ошибку, женщина вспыхнула до корней волос. Пока не было неопровержимых доказательств того, что Бишоп погиб, Нейф формально не являлся президентом.

– Вице-президент Нейф просит вас присоединиться к ним с мистером Разиковым в Овальном кабинете.

Дэвид пружинисто поднялся с кресла. Его удивление в связи с неожиданным приглашением выдавала единственная морщинка на лбу. Секретарша указала ему на дверь, ведущую в Овальную кабинет, и вернулась к своей работе. Он пересек приемную, гадая, зачем его вызвали, и подошел к двери, которую открыл неизвестный ему агент секретной службы.

Войдя внутрь, Дэвид сделал три шага и остановился у края ковра с круглой президентской эмблемой. Изображенный на ней орел смотрел на него с таким же интересом, как и двое находившихся в кабинете мужчин. Босс Дэвида сидел в кресле. Бывший морской пехотинец, он, несмотря на свои почти шестьдесят, был столь же энергичен и бодр, как в молодости. И, как всегда, жесткий взгляд его синих глаз был непроницаем. Дэвид испытывал по отношению к Разикову глубочайшее уважение.

– Присоединяйтесь к нам, командер Спенглер, – пригласил его вице-президент после того, как дверь за вошедшим закрылась.

Лоренс Нейф стоял, опершись на край широкого стола. С виду он являл собой полную противоположность директору ЦРУ. Черты его лица были мягкими, словно тесто: пухлые губы, двойной подбородок, коровьи глаза. Из-за ремня слегка выпирало брюшко, а коричневый цвет волос – точнее, того, что от них осталось, – имел явно химическое происхождение.

– Садитесь, прошу вас.

Коротко кивнув, Дэвид, словно на параде, пересек кабинет.

Вице-президент обошел стол и непринужденно расположился в президентском кресле – так, словно делал это уже сотни раз. Переложив какую-то папку на столе, он заговорил:

– Мистер Разиков рассказывал мне о подвигах вашей команды. – Подняв глаза на Дэвида, вице-президент увидел, что он еще стоит, и немного раздраженно повторил свое приглашение: – Садитесь же.

Дэвид взглянул на своего командира, и тот указал ему на соседний к нему стул. Дэвид, с прямой спиной, сел на самый его краешек – как всегда подозрительный, настороже.

– Итак, – продолжал Нейф, – спецподразделение «Омега» верой и правдой служит нашей стране, вне зависимости от того, знает ли об этом общественность или нет.

– Благодарю вас, сэр.

Нейф откинулся в кресле, сцепив пальцы на животе.

– Я читал рапорт о том, что вы сделали в Сомали. Молодцы! Отличная работа! Нельзя было позволить, чтобы в этой стране с ее нестабильной политической обстановкой начала выходить коммунистическая газета.

Дэвид кивнул. Четырнадцать трупов, и все обставлено так, будто это было массовое самоубийство. Прделано это было действительно мастерски, и в результате коммунистические бунтовщики оказались дискредитированы. Помимо группы «Омега» о том, что произошло в Сомали на самом деле, знали лишь два человека, и сейчас они оба сидели в этом кабинете.

– Мы беседовали о том, чтобы поручить вашей группе еще одно задание. Как нам кажется, вы идеально подходите для его выполнения.

– Все, что угодно, сэр, – дисциплинированно склонил голову Дэвид.

Ответом на это заверение стала ледяная улыбка Нейфа, как всегда – с оттенком собственного превосходства.

– Великолепно, – сказал вице-президент. Он снова выпрямился, взял со стола папку и протянул ее директору ЦРУ. – Все инструкции и детали – здесь.

Николас Разиков в свою очередь передал папку Дэвиду, и тот прекрасно понял смысл этого жеста. Если что-то пойдет не так, Дэвид всегда сможет, не кривя душой, сказать, что выполнял приказ директора, а не вице-президента.

Он положил папку себе на колени.

Заговорил его босс – в первый раз за все это время. Нейф сидел молча, откинувшись на спинку кресла и снова сложив руки на животе.

– Как тебе известно, китайцы уже не первое десятилетие являются для нас источником постоянного раздражения. Оказывая им помощь и торговые преференции, мы буквально тащили их в двадцать первый век, а они тем временем проявляли в отношении нас все большую враждебность и неуступчивость.

– Кусали руку, которая их кормит, – вставил Нейф.

– Вот именно. Пока наше правительство пресмыкалось перед коммунистическими лидерами, они набирали силу – наращивали свой ядерный арсенал, воровали секретные технологии создания межконтинентальных баллистических ракет, усиливали и расширяли свое военное присутствие на морях. В итоге за последние десять лет они превратились из коммунистической неприятности в глобальную угрозу. Этому пора положить конец.

Дэвид поймал себя на том, что его пальцы впились в подлокотники. Более верных слов ему еще не приходилось слышать. Резко кивнув, он произнес только два слова:

– Да, сэр.

Разиков многозначительно посмотрел на Нейфа, а затем снова перевел взгляд на Дэвида.

– Однако общественное мнение не очень жалуется на подобные акции. Среднестатистического американца гораздо больше волнует содержимое его кошелька и программа вечерних телепередач. Конфронтация с Китаем ему не понравится. В стране восторжествовало благодушие. Если мы хотим остановить девятый вал коммунизма, нам необходимо также переломить и эти настроения.

Дэвид понимающе кивнул.

Несколько секунд Разиков внимательно смотрел на него, а затем вновь заговорил:

– Ты слышал о мобилизации в связи с катастрофой борта номер один.

Дэвид промолчал. Сказанное директором ЦРУ было не вопросом, а констатацией факта. Конечно, он знал. Об этом твердили во всех выпусках новостей. Взгляды всего мира были устремлены сегодня в сторону Тихого океана. И все же, ощущая дискомфорт, испытываемый директором, он слегка напрягся.

– Мы считаем, что такой возможностью грех не воспользоваться. В обмен на гибель президента Бишопы мы сумеем кое-что приобрести.

– Каким именно образом? – с любопытством спросил Дэвид.

– Ты должен присоединиться к поисковой группе Национального совета безопасности на месте катастрофы.

От удивления Дэвид моргнул.

– Чтобы помочь поднять тела и обломки?

– Да... Но главным образом для того, чтобы поступающая оттуда информация играла нам на руку.

– Я не совсем понимаю.

– Мы хотим, чтобы вина за авиакатастрофу была возложена на китайцев, – прояснил ситуацию вице-президент.

– Вне зависимости от того, что покажет следствие, – добавил Разиков.

Брови Дэвида полезли на лоб.

Николас Разиков встал.

– Если на китайцах окажется каинова печать за убийство президента, общественность потребует возмездия.

– И мы выполним ее желание, – добавил Нейф.

Дэвид по достоинству оценил этот план. Учитывая хаос, воцарившийся в мире после катаклизмов в Тихом океане, трудно подобрать более подходящий момент для подобной операции.

– Ну что, возьмется «Омега» за выполнение этой операции? – полушутливо спросил Разиков.

Дэвид встал.

– Да, сэр, безусловно.

Нейф покашлял, чтобы привлечь внимание собеседников.

– Есть еще кое-что, командер Спенглер. Похоже, на месте катастрофы уже находится один ваш коллега, бывший «морской котик». Вы с ним когда-то работали.

И снова Дэвиду показалось, что на него сейчас упадет бомба.

– Кто же это?

– Джек Киркланд.

Дэвид резко выдохнул, и дальнейшие слова вице-президента доносились до него словно сквозь туман.

– Нам известно, что вы до сих пор вините этого человека в том, что произошло с «Атлантиком». Вся страна оплакивала гибель вашей младшей сестры.

– Дженнифер, – пробормотал Дэвид.

Перед ним как наяву возникло исполненное гордости лицо в день старта – ее первого полета в космос, а рядом с ней – еще один член экипажа, Джек Киркланд, омерзительно, торжествующе ухмыляющийся. Из них двоих – Дэвида и Джека – для полета на «Атлантике» военное командование должно было выбрать кого-то одного, и оно выбрало Киркланда. НАСА не захотело, чтобы в полет отправились брат и сестра, обосновав это идиотским доводом: «А вдруг что случится?»

– Я сожалею о вашей утрате, – проговорил Нейф.

– Благодарю вас, сэр.

Разиков сказал:

– Мы лишь хотели убедиться в том, что присутствие там Киркланда не мешает тебе выполнить задание.

– Нисколько, сэр. Все это в прошлом. Я осознаю важность миссии, и никто, даже Джек Киркланд, не мешает мне выполнить ее.

– Вот и прекрасно! – Разиков повернулся к выходу. – В таком случае собирай своих ребят.

Кивнув новому лидеру страны, Дэвид развернулся на негнущихся ногах. Он выполнит приказ. Еще не было случая, чтобы «Омега» не справилась с порученным заданием. Но в этот раз Дэвид осуществит еще и свою собственную миссию.

Отомстит за гибель сестры.

5 Сердце змеи

*26 июля, 7 часов 20 минут
Побережье острова Йонагуни,
префектура Окинава*

Солнце еще не встало, а Карен уже была в доках, намереваясь арендовать лодку с подвесным мотором. Она посмотрела на море. Пирамиды-близнецы возвышались из воды всего в паре сотен метров от входа в бухту. После вчерашнего открытия она отказалась вернуться в Наху и университет. Не обращая внимания на возражения Миюки, она наняла местного рыбака, заплатив ему за то, чтобы он доставил их в маленький городок Чатан на побережье острова Йонагуни.

– Мы должны были вернуться в Наху еще вчера, – проговорила Миюки, с отвращением рассматривая лодку.

Старая фибергласовая посудина, судя по ее виду, доживала последние дни. Металлическое ограждение местами погнулось, местами отсутствовало вообще, пластиковые сиденья шатались, но корпус выглядел достаточно прочным, чтобы преодолеть путь в несколько сотен ярдов, отделявших их от пирамид.

– В Нахе ты могла бы арендовать лодку на гораздо более выгодных условиях.

– И потерять полдня на то, чтобы вернуться сюда? Нет, – решительно мотнула головой Карен, – на это я пойти не могу. А вдруг за это время мародеры разграбят пирамиды? А вдруг Драконы снова уйдут под воду?

– Ладно, – устало вздохнула Миюки, – делай как знаешь. Только, чур, рулить будешь ты.

Карен, полная энтузиазма, несмотря на бессонную ночь, с готовностью кивнула и усеялась на корме.

Накануне они с Миюки, распив бутылочку сакэ, болтали до глубокой ночи. С крохотного балкончика их номера в отеле открывался чудесный вид на море и Драконов. Луна заливала пирамиды загадочным молочным светом, и казалось, что он идет изнутри таинственных сооружений. Наконец женщины легли спать, но, не в состоянии уснуть, Карен несколько раз за ночь вскакивала с измятой постели и выглядывала в окно, словно желая убедиться в том, что пирамиды не исчезли. Но древние близнецы все так же стояли на мелководье залива.

Как только на востоке забрезжил рассвет, Карен вытащила недовольно ворчащую Миюки из постели. Ежась от утренней прохлады, женщины преодолели небольшое расстояние, отделявшее гостиницу от пристани, и Карен за непомерную по здешним меркам сумму сторговалась с каким-то рыбаком насчет того, чтобы арендовать на целый день его старую моторку. Выбора у нее не было, поскольку других свободных лодок поблизости не оказалось. Она тут же села за руль, тем временем Миюки приняла причальные веревки у скалящегося рыбака, донельзя довольного удачной сделкой.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что тебя ограбили? – спросила японка у подруги.

– Ну и пусть, – ответила Карен. – За возможность первой обследовать руины я заплатила бы и в десять раз больше.

Миюки неодобрительно покачала головой и села на скамейку для пассажира, а Карен медленно отвела лодку от причала. Мотор кашлял, выбрасывая клубы черного вонючего дыма, и Миюки зажала нос.

– Натуральное пиратство! – гнусаво пожаловалась она.

– Не волнуйся, если тут появятся настоящие пираты, у нас есть чем их встретить, – успокоила подругу Карен, похлопав себя по куртке, под которой прятался автоматический пистолет 38-го калибра.

Миюки трагически застонала и попыталась поудобнее устроиться на твердой, как камень, да в придачу шатающейся лавке. Карен улыбнулась. Несмотря на показное недовольство подруги, она заметила в ее глазах азартный огонек. Стойкая японка в глубине души получала удовольствие от их приключений. Накануне Миюки имела возможность вернуться в университет, но вместо этого осталась с ней. Они дополняли друг друга, и именно это скрепляло их дружбу: Миюки сдерживала необузданные порывы Карен, а та, в свою очередь, вносила разнообразие в монотонное профессорское существование Миюки.

Оказавшись в открытом море, Карен прибавила ходу. Старый мотор оскорблял своим мерзким клокотанием девственную тишину утра. После того как они обогнули волноломы, их взглядам открылась панорама древнего города, и обе женщины молча созерцали это величественное зрелище, не в состоянии произнести ни слова. Прибрежный городок Чатан, оставшийся позади, уменьшался в размерах, исчезая в тумане, спустившемся на остров и прибрежные воды.

На востоке из-за горизонта наконец выглянуло солнце, накинув на руины нежно-розовую фату.

– Кто же построил этот затонувший город? – озвучила свои мысли Карен.

– Лично меня сейчас волнует только мой город и моя лаборатория, – отмахнулась Миюки. – А прошлое – оно и есть прошлое.

– Но *чье* это прошлое? – не унималась Карен.

Равнодушно пожав плечами, Миюки достала из кожаного чехла на поясе карманный компьютер и с помощью стилуса принялась набирать на его виртуальной клавиатуре какой-то текст.

– Чем это ты занимаешься? – осведомилась Карен.

– Хочу связаться с Gabrielem и выяснить, все ли в порядке в лаборатории.

Из маленького компьютера послышался голос – неестественный и какой-то механический:

– *Доброе утро, профессор Накано.*

Карен усмехнулась.

– Вам с ним нужно всерьез задуматься о более серьезных отношениях.

Не отвечая, Миюки лишь скорчила рожицу и продолжала работать.

– Ты, по-моему, уже начинаешь возбуждаться, – продолжала подтрунивать над подругой Карен.

– А ты ревнуешь, – невозмутимо парировала Миюки.

– К компьютеру? – фыркнула Карен.

– Габриель – не просто компьютер, – твердым голосом заявила Миюки.

Карен примирительным жестом подняла руку.

– Знаю, знаю.

Габриель представлял собой сложнейшую программу искусственного разума, разработанную и запатентованную Миюки. Именно этой своей работе она была обязана выдвижением на получение Нобелевской премии. За последние четыре года ей удалось воплотить теорию в практику, и Габриель, названный в честь грозного архангела, стал результатом этой работы.

– Как он поживает?

– Он только что классифицировал поступившую мне электронную почту и продолжает отслеживать в Сети сообщения о чрезвычайных ситуациях.

– Есть что-нибудь новенькое?

– Землетрясения в Тихом океане прекратились, однако в Океании наблюдается активизация американских сил. Информация, правда, пока весьма фрагментарная. Габриель пытается пробраться в компьютерную сеть «Эм-о».

– Что еще за «Эм-о» такое? – недоуменно вздернула брови Карен.

Ей ответил маленький компьютер:

– *«Эм-о» представляет собой акроним, образованный из начальных букв словосочетания «Министерство обороны».*

Карен вытаращила глаза на подругу. Мало того что ей отвечает компьютер, так он еще пытается влезть в закрытую базу данных Пентагона! Это чревато крупными неприятностями.

– А это обязательно? – спросила она.

Миюки беспечно махнула рукой.

– Его ни за что не поймают.

– Это почему?

– Невозможно поймать то, чего не существует. Хотя Габриеля создала я, сейчас он уже врос в самую ткань Всемирной сети. У него даже нет какого-то конкретного адреса, по которому его можно было бы отследить.

– Виртуальный призрак, – пробормотала Карен.

– *Совершенно верно, доктор Грейс, – проговорил компьютер, – я виртуальный призрак, я – единственный в своем роде.*

Карен почувствовала, как по спине побежали мурашки. Миюки как-то пыталась в популярной форме растолковать ей принципы функционирования этой самообучающейся программы, своеобразного синтетического разума, но даже такое примитивное объяснение оказалось для Карен недоступно. Оказываясь в лаборатории Миюки, она всегда чувствовала себя неуютно. Карен в эти моменты казалось, что за ней следят невидимые глаза. Такое же ощущение возникло у нее и сейчас.

– Черт! – негромко выругалась Миюки. – Плохие новости.

– В чем дело?

– Университет закрывается на месяц. Ректор только что разослал по электронной почте сообщения всем руководителям научных подразделений. Студентам разрешено разъехаться по домам, чтобы помочь своим семьям, пострадавшим в результате землетрясений.

– И это ты называешь плохими новостями? – изумилась Карен.

– Отъезд моих помощников значительно затормозит ход исследований, а ведь согласно условиям гранта я должна завершить их в течение трех недель.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, ты, я думаю, сможешь попросить об отсрочке.

– Возможно, – согласилась Миюки и сунула стилус в предназначенное для него гнездо. – Спасибо, Габриель. Я буду отслеживать в течение дня передаваемые тобой видеоданные. Пожалуйста, записывай их на жесткий диск и сохраняй резервную копию на DVD.

– *Как назвать файл для сохранения данных?*

Миюки взглянула на Карен и ответила:

– Дракон.

– *Создаю файл «Дракон». Жду вашего следующего вызова.*

– Спасибо, Габриель, – сказала Миюки.

– *До свидания, профессор Накано. Всего доброго, доктор Грейс.*

Карен нервно откашлялась.

– До свидания, Габриель, – ответила она, чувствуя себя законченной дурой.

Миюки выключила компьютер и убрала его обратно в чехол.

Они уже подплыли к границе, за которой начинались наполовину затопленные руины, и Карен замедлила ход.

– Миюки, не могла бы ты запечатлеть для меня эту панораму? – спросила она.

Японка вынула из сумки цифровую фотокамеру, подключила ее к компьютеру на поясе и, включив запись, медленно провела объективом от одного края горизонта до другого. Получившееся изображение через карманный компьютер было автоматически отправлено на головной компьютер в ее офисе.

– Готово, – сообщила она.

Карен медленно вела моторку вперед. Двигатель натужно булькал, как умирающий, решивший продиктовать завещание. Глубина возле руин была небольшой, меньше шести футов. По мере того как они подплывали, над ними все выше вздымались покрытые зелеными водорослями колонны. Бледные крабы разбегались при их приближении в разные стороны. Целиком захваченная фантастическим зрелищем, Карен напрочь позабыла о Габриэле и продвинутых компьютерных алгоритмах.

– Невероятно! – выдохнула она.

В отдалении среди руин виднелось несколько других лодок, а над водой разносились возбужденные голоса. Они проплыли мимо плоскодонки. Трое находившихся в ней темнокожих мужчин, судя по всему выходцы из Микронезии, рассматривали древние колонны и затопленные дома. А не их ли предки построили эти сооружения?

Плоскодонка осталась позади, и Карен направила моторку к приземистому сооружению без крыши, глядящему на них пустыми проемами окон. Похоже, все дома здесь были построены по единому принципу – из положенных друг на друга сцепленных блоков и плит. Все они были сделаны из одинакового темного камня. Вулканический базальт, догадалась Карен. Некоторые плиты, судя по их виду, весили не менее нескольких тонн. В южных районах Тихого океана образцы столь сложной архитектурной технологии встречались крайне редко. Они могли сравниться разве что с умением инков и майя.

После того как лодка обогнула дом, открылся прямой путь к первому из Драконов.

– Сними на пленку, – с благоговением прошептала Карен.

– Уже снимаю, – успокоила ее Миюки, держа камеру прямо перед собой.

Верхняя часть пирамиды возвышалась на двадцать метров над водой. От поверхности воды к плоской площадке на вершине вели восемнадцать ступеней, каждая высотой в метр. На этой же площадке располагался частично разрушенный храм – небольшое сооружение, сложенное из каменных блоков.

При их приближении со ступеней пирамиды шумно взлетели несколько белых журавлей. Карен обогнула пирамиду, и их взглядам открылся второй Дракон. Он был точной копией первого, если не считать того, что на его вершине не было храма.

– Давай посмотрим поближе, – предложила Карен и причалила к нижней ступени первой пирамиды.

Высокая базальтовая тумба у северо-восточного угла выглядела вполне подходящей для того, чтобы привязать к ней лодку.

– Подержи руль, – велела Карен, а сама перебралась вперед и взяла носовой конец. Перепрыгнув на ступень пирамиды, она поскользнулась на мокрых водорослях.

– Осторожно, шею сломаешь! – крикнула Миюки, когда Карен раскинула руки, пытаясь сохранить равновесие.

Выпрямившись, та откинула назад упавшие на лицо волосы и улыбнулась.

– Как видишь, жива и невредима!

Теперь уже с большей осторожностью, держа в руках веревку, она прошла по ступени и опустилась на колени, чтобы привязать ее к тумбе. Оказалось, что на самом деле это была

не тумба, а изваяние мужской фигуры. Мелкие детали были уничтожены песком и водой: нос отсутствовал, а глаза превратились в слепые впадины.

Карен подтянула лодку, привязала веревку к основанию статуи и затянула тугой узел.

– Поможешь? – спросила Миюки, протягивая свою сумку с фотооборудованием.

Карен взяла ее, и хрупкая профессорша легко перепорхнула с лодки на базальтовую ступень. С чавканьем угодив ногой во что-то липкое и скользкое, она скривилась и сказала:

– Когда выберемся отсюда, купишь мне новые туфли!

– Самые модные, от Феррагамо, – с готовностью пообещала Карен. – Выпишу их тебе прямиком из Италии.

Миюки спрятала в уголках губ улыбку, все еще не желая признавать, что это приключение доставляет ей удовольствие.

– Тогда командуй.

– Я хочу подняться наверх и осмотреть храм.

Миюки задрала голову кверху.

– Это будет долгий подъем, – предупредила она.

– А нам торопиться некуда.

Карен взобралась на следующую ступень и протянула руку, чтобы помочь подруге, однако та отмахнулась и влезла туда самостоятельно. Встав рядом с Карен, она сняла с колена длинную ленту водоросли и, с отвращением отбросив ее в сторону, многозначительно посмотрела на Карен.

– Хорошо, хорошо, – сразу поняла та, – когда вернемся, зайдем еще и в «Нордстром», купим тебе новый брючный костюм.

Теперь Миюки все же не удержалась от улыбки.

– Новые туфли, новый костюм... К тому времени как мы поднимемся наверх, я успею обзавестись новым весенним гардеробом.

Карен похлопала подругу по руке и продолжила подъем, очень быстро оставив спутницу далеко позади. Остановившись, чтобы Миюки смогла ее догнать, она стала смотреть на раскинувшийся внизу древний город. Солнце уже поднялось и теперь висело желтым шаром на востоке. С этой точки Карен видела примерно на два километра вдаль, после чего руины терялись в морской дымке. Судя по огромному размеру древнего города, его население когда-то могло насчитывать десятки тысяч людей. Куда же они подевались?

– Осталось совсем недолго, – обнадежила она Миюки, когда та появилась рядом.

Тяжело дыша, японка слабо махнула рукой и сказала:

– Я в порядке. Пошли дальше.

– Давай лучше отдохнем, – предложила Карен, хотя на самом деле изнывала от желания поскорее оказаться наверху. – Мы должны беречь силы.

– Ну, если ты настаиваешь... – с готовностью согласилась Миюки и уселась прямо на водоросли, не заботясь больше о своей одежде.

Карен достала из сумки бутылку с минеральной водой и протянула ее подруге. Миюки открыла крышку и стала жадно пить, не сводя, однако, глаз с раскинувшегося перед ними древнего города.

– Какой он огромный! – восхищенно проговорила она. – Никогда бы не поверила, если бы сама не увидела.

Карен тоже сделала несколько глотков из бутылки и сказала:

– Как же все это могло так долго скрываться под водой?

– Здесь очень глубоко – по крайней мере, так было раньше – и проходили весьма коварные течения. Только самые опытные дайверы могли исследовать эти воды. Но теперь, когда мир узнает об этом месте, сюда хлынут сотни тысяч туристов.

– Которые все тут затопчут и загадят, – вставила Карен. – Поэтому сейчас самый подходящий момент, чтобы обследовать его.

Миюки поднялась на ноги.

– Если ты готова двигаться дальше, то я тоже.

– Мы могли бы отдохнуть еще. Эти руины ждали нас долгие века, так что несколько лишних минут погоды не сделают.

Миюки с готовностью села обратно, и Карен, которая до этого стояла, последовала ее примеру.

– Ты не представляешь, как я благодарна тебе за помощь, – сказала она. – О лучшей подруге я не могла бы и мечтать.

– Я тоже, – негромко ответила Миюки.

Они познакомились на каком-то мероприятии в университете Рюкю. Обе были не замужем, примерно одного возраста и работали в коллективах, где преобладали мужчины. Они стали вместе проводить свободное время: посещали местный караоке-бар, ужинали, ходили на утренние субботние киносеансы и вскоре стали близкими подругами.

– Я тебе говорила о том, что вчера мне позвонил Хироси? – спросила Миюки.

– Нет, не рассказывала. – Карен выпрямилась и не очень дипломатично осведомилась: – Что понадобилось этому уроду?

Университетский профессор Хироси Таката и Миюки были обручены, но успехи последней вызвали у него ревность, и в их отношениях наметилась трещина. Два года назад он неожиданно разорвал помолвку и перевелся в Кобе.

Миюки округлила глаза.

– Он хотел сообщить мне, что не пострадал во время землетрясений, но даже не соизволил спросить, все ли в порядке у меня.

– А может, он хочет начать все сначала?

– Пусть мечтает.

Карен засмеялась.

– Похоже, мы с тобой привлекаем только самых гнусных мужиков.

– Скорее, бесхребетных, – поправила ее Миюки.

Карен согласно кивнула. В Канаде она сама прошла через целую серию неудачных романов, в которых было все – от взаимного холода до рукоприкладства, и продолжать эксперименты на этом поприще ей несколько не хотелось. Это было одной из причин, заставивших ее с готовностью принять назначение на четырехлетнюю работу здесь, на Окинаве. Новое место – новое будущее.

– И что же ты думаешь обо всем этом? – сменила тему Миюки. – Может это быть частью затерянной Атлантиды твоего прадеда?

– Ты имеешь в виду, может ли это оказаться континентом Му? – уточнила Карен. – Сомневаюсь. На островах Тихого океана сколько угодно доисторических памятников: статуи острова Пасхи, известняковый дольмен в Тонга, камни Латтэ на Гуаме, искусственный архипелаг Нан-Мадол, называемый также Тихоокеанской Венецией, – стала перечислять она. Тайны всегда будоражили ее воображение. – О каждом из них веками, из поколения в поколение передаются легенды и мифы, но еще никто не смог связать все эти острова в единое целое.

– И ты надеешься, что это удастся тебе?

– Кто знает, какие ответы нам удастся найти здесь!

Миюки хитро улыбнулась и встала.

– Значит, существует только один способ выяснить это.

Карен тоже поднялась и улыбнулась.

– И я так думаю.

Они продолжили подъем, помогая друг другу забираться на высокие ступени, и через двадцать минут, когда солнце поднялось еще выше, оказались на вершине пирамиды. Первой, тяжело дыша, туда поднялась Карен.

Верхушка пирамиды представляла собой единую гигантскую плиту. Всю ее поверхность пересекала трещина, было видно, что она стала результатом не древних катаклизмов, а, скорее всего, недавнего землетрясения. Когда плиту водрузили сюда, она наверняка была целой. Карен медленно повернулась, оценивая на глаз размеры плиты. Получалось примерно десять на десять метров. Если учесть, что ее толщина составляла не меньше метра, плита должна была весить сотни тонн. «Каким же образом, – думала изумленная Карен, – древним строителям удалось затащить эту махину на такую высоту?»

Вскоре подтянулась и Миюки. Обойдя площадку по периметру, она залюбовалась открывавшимся отсюда видом.

– Просто невероятно! – восхитилась она.

Карен молча кивнула. От испытанного потрясения женщина словно утратила дар речи. Затем она подошла к полуразрушенному храму в центре, который также был сложен из базальтовых блоков и плит. Когда-то он представлял собой приземистое сооружение с плитой вместо крыши. Карен обошла его по кругу, чтобы рассмотреть со всех сторон. Миюки с камерой в руке следовала за ней по пятам.

На стенах храма Карен не обнаружила никаких украшений, хотя вполне возможно, их стерли вода и время. Затем, расправив плечи, она отважно заявила:

– Я иду внутрь.

– Что? – ошарашенно переспросила Миюки, опустив камеру. – Ты это о чем?

Карен указала на две плиты, которые обвалились и уперлись друг в дружку. В узком отверстии между ними виднелась уходящая под уклон поверхность.

– Ты что, спятила? Ты даже не представляешь, как неустойчивы эти камни!

Карен царапнула окостеневший коралл, подобно цементу скреплявший плиты.

– Если здесь выросли кораллы, – сказала она, – это означает, что плиты не сдвигались с места на протяжении веков. Кроме того, я гляну лишь одним глазком, нет ли там каких-нибудь иероглифов или настенной росписи, не тронутых эрозией. – Она сбросила куртку и опустилась на колени. – А проход-то довольно тесный.

Следом за курткой на камень полетели брючный ремень (чтобы не зацепиться пряжкой) и кобура с пистолетом.

– Ты фонарик не потеряла?

Миюки достала из сумки тонкий фонарь-ручку и протянула его Карен, а та, зажав фонарик в зубах, легла на живот.

– Может, лучше не надо? – осторожно спросила Миюки.

Вместо ответа Карен засунула в отверстие голову, направив луч фонарика перед собой. Отталкиваясь ногами, она дюйм за дюймом стала пролезать в низкий ход, передвигаться по которому можно было только ползком. В прошлом Карен уже приходилось лазать по пещерам, но в таких узких она еще не бывала. Стараясь контролировать дыхание, она твердила себе, что главное – двигаться вперед и ни в коем случае не останавливаться.

– Остались только ноги! – крикнула Миюки.

Ее голос прозвучал приглушенно, поскольку тело Карен занимало почти все пространство тоннеля. Дышать становилось все труднее. Ей казалось, что стены готовы раздавить ее, и в душу закрался страх.

Карен поползла быстрее, ее дыхание участилось. Нет, она пролезет через эту нору, она не задохнется!

Если застрянет, то сможет использовать руки, чтобы, отталкиваясь, выползти обратно, да и Миюки поможет, вытащив ее за лодыжки. Никакой опасности нет, твердила себе Карен, и все же во рту у нее пересохло, а ноги стали скользить по влажному камню.

– Как ты там? – осведомилась Миюки.

Карен открыла рот, чтобы ответить подруге, но обнаружила, что ей для этого не хватает воздуха.

– В порядке, – попыталась сказать она, но слова сорвались с ее губ едва слышным шепотом.

– Что-что? – переспросила Миюки.

Карен вытянула руки вперед, а пальцами правой руки нащупала край боковой плиты. Конец пути близок! Она ухватилась за этот край и подтянулась, одновременно оттолкнувшись ногами. Ее тело продвинулось вперед. В ушах у нее стучала кровь, а челюсти, сжимающие металлический фонарик, ныли. «Давай же, черт тебя побери!» – делая короткие и резкие выдохи, подгоняла она саму себя.

Наконец и ее левая рука нашла, за что ухватиться. Карен толкнула свое тело вперед, высунула голову из тоннеля и поводила фонариком из стороны в сторону.

Это было тесное, с половину ванной комнаты, помещение. Внимание Карен привлек стоявший на его противоположной стороне алтарь. По полу были разбросаны заросшие ракушками и водорослями вазы и разбитая глиняная утварь. Вдоль края алтаря вилась вырезанная из камня змея. Карен провела лучом фонарика от ее хвоста до головы с двумя устрашающими зубами. Глаза змеи, отразив свет фонаря, блеснули двумя кровавыми точками. По всей видимости, это были рубины.

Не обращая внимания на драгоценные камни, Карен принялась с гораздо большим интересом рассматривать узор в виде перьев, напомнивший ей Кецалькоатля, божество майя в виде покрытого перьями змея. Может ли быть, что это святилище построили майя?

Карен выплюнула фонарь, а затем, извиваясь всем телом и помогая себе руками, выбралась в тесную комнату и, подняв с пола фонарик, повернулась к отверстию. Миюки должна это видеть!

Она наклонилась, чтобы позвать подругу, но в этот момент грянул выстрел, вслед за которым послышался душераздирающий крик.

Карен упала на колени, пытаясь заглянуть в темный лаз.

– Миюки!

6

Слушая глубины

26 июля, 11 часов 20 минут

*Место катастрофы, к северо-западу
от атолла Эневак, Океания*

Впервые за более чем двенадцать лет Джек ступил на борт американского военного корабля, причем не какого-нибудь буксира. Сойдя с вертолета «Морской рыцарь», он оказался на палубе площадью почти в пять тысяч квадратных метров. Головной авианосец США «Гибралтар» был длиной в пять футбольных полей – гигантское морское чудовище, оснащенное двумя силовыми установками. Громадные цифры, нарисованные на палубе, обозначали взлетно-посадочные площадки.

Пригнув голову, Джек побежал от вертолета. Шум вращающихся лопастей оглушал, воздушные вихри от них рвали на нем незастегнутую куртку. Он так спешил убраться из-под лопастей, что едва не упал, споткнувшись об устройство для крепежа винтокрылых машин. Джек почувствовал себя глупо. Оплошность, достойная новичка! Видно, он и впрямь слишком давно не ходил по этой палубе.

Отойдя от вертолета на безопасное расстояние, Джек остановился и посмотрел на море. Почти у самого горизонта виднелась крохотная точка. «Фатом», с которого его доставили на «Гибралтар» для участия в совещании, назначенном на двенадцать часов. По бокам авианесущего гиганта рассекали волны два эсминца размером поменьше. Корабли поддержки, охраняющие могучее чудовище.

Глядя на всю эту мощь, Джек нахмурился. И они еще говорят о «пределах необходимости»! Хорошо еще, что Нейф не пригнал сюда всю ударную группу!

Повернувшись, Джек окинул взглядом устрашающее вооружение, которым был оснащен «Гибралтар». «Зачем нужна ударная группа при наличии такой огневой мощи?» – подумалось ему. «Гибралтар», наверное, мог в одиночку завоевать небольшую страну. Основу его боевой силы составляли сорок два «Морских рыцаря», пять истребителей «Харриер» и шесть противолодочных вертолетов. Помимо этого корабль обладал собственными средствами защиты: зенитным комплексом «Си Спэрроу» с ракетами класса «море – воздух», системой ближнего боя «Фаланга», орудиями «Бушмастер» и даже противоторпедной установкой «Никси». Всего-то навсего! Тысячи компактно упакованных смертей, готовых обрушиться на головы врагов Соединенных Штатов Америки.

Слева от Джека заработал мотор. Лифт поднял на палубу еще одного «Морского рыцаря» из расположенных внизу ангаров. Вокруг него засуетились мужчины и женщины в красно-желтых комбинезонах. Морское чудовище приближалось к точке назначения, и весь его огромный организм пришел в действие.

На взлетной палубе у кормы Джек заметил кое-какие нововведения: три больших крана и несколько лебедек. Теперь он понял, почему корабль прибыл не сразу. Его явно готовили к спасательной операции.

– Мистер Киркланд, – прозвучал строгий голос за его спиной.

Джек повернулся. К нему подходили трое в военной форме. Ни одного из них он не знал, но, поглядев на знаки различия, произвольно вытянулся и расправил плечи.

Впереди шагал капитан «Гибралтара».

– Капитан Джон Бреннинг, – представился он, остановившись перед Джеком и не протянув руки, а затем отрекомендовал своих спутников: – Мой старший помощник, командер Джулия Кнудсон, корабельный старшина Гейвард Линкольн.

Оба офицера кивнули. Женщина окинула Джека таким взглядом, словно он был каким-то жуком. Чернокожий корабельный старшина стоял неподвижно, как изваяние, глядя сквозь Джека, как через пустое место.

– Адмирал Хьюстон желает встретиться с вами для частной беседы до начала совещания. Коммандер Кнудсон проводит вас вниз, в офицерскую кают-компанию.

Капитан и старшина повернулись, чтобы направиться туда, где готовились к вылетам самолеты, а женщина-офицер развернулась на каблуках, намереваясь показывать Джеку дорогу. Однако сам он даже не пошевелился.

– Что еще за частная беседа? – громко спросил он.

Три пары глаз уставились на него как на сумасшедшего. Их приказы не подлежали обсуждению. Джек выдержал их взгляды не моргнув. Он ждал ответа. Солнце немилосердно жарило железную палубу, но Джека это мало волновало. Он больше не подчинялся золотопогонной братии. Он был гражданским лицом и сам себе начальник.

Когда то же самое дошло и до офицеров, капитан Бреннинг вздохнул.

– Адмирал не стал вдаваться в объяснения. Он лишь приказал нам доставить вас к нему, и как можно быстрее.

– Следуйте за мной, пожалуйста, – проговорила старший помощник с явным раздражением.

Джек скрестил руки на груди. Он не позволит обращаться с собой как с матросом-первогодком. Он знал, в общении с военными необходимо сразу поставить их на место, иначе они тебя самого поставят... в известную позицию.

– Я согласился оказать помощь в спасательной операции, позволив использовать мой аппарат для глубоководного погружения, – сказал он, – и ничего больше. А сюда я прибыл лишь для того, чтобы как можно быстрее покончить с этим. Что касается адмирала, то я не обязан целовать его задницу.

– А кто тебя об этом просит, Джек? – раздался грубоватый голос из открытого люка позади него.

Трое офицеров вытянулись по струнке и словно по команде отдали честь. На солнечный свет вышел крупный мужчина в летном костюме, расстегнутом с таким расчетом, чтобы были видны адмиральские нашивки. Оказывается, все это время он стоял в тени дверного проема.

Когда Джек в последний раз разговаривал с Марком Хьюстоном, тот еще был капитаном, а в остальном он не изменился. Те же коротко стриженные седые волосы, те же обветренное лицо. Взгляд его синих глаз, устремленный на Джека, был таким же цепким, как и прежде.

Хьюстон кивнул своим подчиненным.

Капитан Бреннинг выступил вперед.

– Вам было не обязательно приходить сюда самому, сэр, – проговорил он. – Мистер Киркланд уже собирался отправиться к вам.

Адмирал хохотнул.

– Охотно верю. Но относительно Джека Киркланда вам следует усвоить одну вещь, капитан. Он не очень любит выполнять приказы.

– Я это уже усвоил, – жестко ответил капитан корабля.

Хотя рост Джека составлял шесть футов и три дюйма, адмирал возвышался над ним, уперев руки в бока.

– Джек Киркланд по кличке Молниеносный, – ностальгическим тоном проговорил он. – Вот уж не ожидал снова встретить тебя на борту «Гибралтара»!

– Я тоже не рассчитывал здесь оказаться. Можете мне поверить, сэр.

Хотя находиться на борту военного судна было для Джека крайне неприятно, он был рад видеть старого моряка. Марк Хьюстон являлся для него больше чем просто старшим офицером. Джек считал его своим другом и учителем. Именно Марк Хьюстон добился, чтобы его включили в состав экипажа «Атлантиса».

Откашлявшись, Джек хрипловато проговорил:

– Рад видеть вас снова, сэр.

– А я рад слышать от тебя эти слова. А теперь, может, ты перестанешь ершиться и пойдешь со мной в конференц-зал?

– Да, сэр.

Адмирал кивком отпустил подчиненных.

– Пойдем. У меня внизу есть кофе и сэндвичи, – проговорил он, направляясь к трапу, ведущему в чрево стального чудища. – У ребят из службы спасения была трудная ночь, поэтому мы решили их подкормить.

– Спасибо, сэр.

Нырнув в люк и оказавшись во внутренностях корабля, Джек затаил дыхание. Здесь было прохладно, и он сразу почувствовал это. За долгие годы, проведенные вне флота, он успел забыть, как холодно может быть внутри этого плавучего острова. Теперь запах машинного масла и металла оживил старые воспоминания. Где-то внизу разносились голоса. Это было все равно что оказаться проглоченным огромным животным. «Иона в чреве кита», – угрюмо подумал он.

Они спустились на второй уровень. Адмирал время от времени останавливался, чтобы поздороваться, а то и обменяться парой шуток со знакомыми. Марк Хьюстон никогда не задавался перед подчиненными. До того как стать адмиралом, он командовал этим кораблем и при этом бывал в кубрике младшего состава чаще, чем в офицерской кают-компании, – это качество Джек ценил в нем не меньше остальных. Хьюстон знал всех членов своего экипажа, и те платили ему за это преданностью.

– Вот и пришли, – сказал Хьюстон. Положив руку на ручку двери, он оглядел коридор, улыбнулся и покачал головой. – «Гибралтар»... Не могу поверить, что я снова здесь.

– Я вас отлично понимаю.

Хьюстон хмыкнул.

– Меня поставили на якорь в порту приписки. Странно, вчера вечером, отправившись спать, я по привычке пришел в свою бывшую капитанскую каюту. Странно устроен человеческий мозг!

Старый моряк, недоуменно покачав головой, открыл дверь и жестом предложил Джеку следовать за ним.

Главное место в конференц-зале занимал длинный стол из красного дерева, который уже успели приготовить к совещанию. Перед каждым из десяти стульев стояли бокалы для воды и были разложены блокноты и ручки. На боковом столике стояли термосы с кофе и тарелки с сэндвичами.

Подойдя к столу, Джек огляделся. Стены были увешаны картами и схемами, утыканными флажками. На ближней к нему стене Джек узнал карту с обозначением океанских течений и заштрихованными в шахматном порядке квадратами. Квадраты поиска, понял Джек. Похоже, адмирал по пути сюда не прохлаждался.

Обернувшись, Джек увидел, что Хьюстон стоит прямо позади него.

– Как ты жил все эти годы, Джек? – спросил адмирал.

– Точнее было бы сказать «выживал».

– Хм... Это скверно.

Этот ответ удивил Джека. Он и думать не мог, что его судьба сколько-нибудь волнует адмирала.

Хьюстон сел в глубокое кресло и указал Джеку на второе.

– Жизнь дана нам не для того, чтобы выживать, а для того, чтобы жить, – философски заметил он.

– Вам виднее, – ответил Джек, усевшись в кресло.

– А как у тебя складывается с женщинами?

Джек нахмурился. Он не понимал, к чему все эти вопросы.

– Я знаю, что ты не женат, но есть в твоей жизни кто-нибудь... особый?

– В общем-то, нет. Разве что друзья. А что?

– Да так, просто полубопытствовал. Мы ведь не разговаривали больше десяти лет. От тебя даже поздравительной открытки на Рождество не дождешься.

Джек вздернул бровь.

– Так ведь вы еврей.

– Так хотя бы с Ханукой поздравил, задница ты эдакая. Мог бы хоть какую-то весточку о себе подать.

Джек не знал, куда деть руки, и от неловкости поглаживал подлокотники.

– Я хотел оставить прошлое позади. Начать все с чистого листа.

– И как, – горько спросил Хьюстон, – получилось?

Неловкость, которую испытывал Джек, переросла в злость. Он прикусил губу и ничего не ответил.

– Черт тебя задери, Джек! Неужели ты настолько слеп и не видишь, что тебе хотят помочь?

– Каким образом?

– Известно тебе об этом или нет, но я следил за тем, как складывается твоя жизнь. Я знаю, в каких финансовых тисках ты оказался. Того и гляди, потеряешь свою ржавую калошу.

– Я выкручусь.

– Возможно. Но это будет гораздо проще, если ты получишь несколько тысяч долларов за участие в операции по спасению борта номер один.

Джек отрицательно покачал головой.

– Я в вашей благотворительности не нуждаюсь.

Адмирал ударил себя кулаком по колену.

– До чего же ты упрям, ослиная твоя башка!

Несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга, а потом Хьюстон снова заговорил, но теперь и лицо, и голос его смягчились.

– Ты помнишь Этель? – спросил он.

Джек кивнул. Этель была женой адмирала, с которой он прожил тридцать лет. За год до трагедии с «Атлантисом» она умерла от рака яичников. Родная мать Джека скончалась, когда ему было всего три года, и Этель заменила ее Джеку во многих отношениях.

– За день до того, как впасть в кому, Этель велела мне присматривать за тобой.

Джек поднял на собеседника удивленный взгляд. Адмирал смотрел в сторону, но Джек заметил, что на его глазах блеснули слезы.

– Не знаю уж, что она такого в тебе углядела, Джек, но не позволяй мне нарушить слово, данное умирающей. Я предоставил тебе достаточно времени, чтобы ты смог оправиться от того, что произошло на «Атлантисе». Но теперь – хватит.

– Чего вы от меня хотите?

Хьюстон встретился с Джеком взглядом.

– Ты слишком долго прятался. Теперь я хочу, чтобы ты вылез из моря.

Джек ошеломленно молчал.

– Именно поэтому я нанял тебя, а не только из-за твоей ныряющей жестянки. Пора вернуться в реальный мир.

– Военно-морские силы, по-вашему, это реальный мир? – фыркнул Джек.

– Близко к тому. Мы, по крайней мере, время от времени заходим в порт.

Джек покачал головой.

– Послушайте, я ценю вашу заботу обо мне, честное слово, но мне уже почти сорок лет, и я не ребенок, чтобы со мной нянчиться. Верите вы этому или нет, но я вполне доволен своей теперешней жизнью.

Его бывший командир вздохнул и воздел руки, словно сдаваясь на милость победителя.

– Ты еще тот фрукт, Джек, – сказал он и поднялся из кресла. – Совещание скоро начнется. Я надеюсь, ты осознаешь важность того, что нам предстоит сделать?

Джек кивнул, также вставая.

– Разумеется. Ведь это борт номер один.

– Дело не только в президенте, Джек. Президентов нам приходилось терять и раньше.

Но никогда это не происходило во время глобальных катастроф, когда весь мир оказывается на грани хаоса. Несмотря на то что многие осуждают внешнюю политику Соединенных Штатов, в периоды кризисов они ждут, что именно мы возьмем на себя роль лидера. А сейчас мы оказались обезглавлены, что называется, без руля и без ветрил.

– Но ведь есть вице-президент, Лоренс Нейф!

– Хорошо еще, что ты хотя бы знаешь, как зовут вице-президента, – невесело пошутил Хьюстон, однако его брови тут же сошлись в суровую линию. – В Вашингтоне с замиранием сердца ждут ответов. Прежде чем Нейф может быть приведен к присяге, мы должны до мелочей выяснить судьбу президента Бишопа. Уже поползли слухи. Одни винят в его предполагаемой гибели террористов – арабских, российских, китайских, сербских. Даже Ирландскую республиканскую армию. Другие заявляют, что это мистификация, третьи связывают это с убийством Джей Эф Кей⁷. – Адмирал покачал головой. – Можешь себе такое представить? Черт знает что, да и только! Чтобы восстановить порядок, нам нужны четкие ответы. Нам нужно тело президента, чтобы похоронить его со всеми полагающимися почестями. Вот для чего мы здесь.

Никогда еще Джек не видел Марка Хьюстона в таком волнении.

– Я помогу, чем смогу, – искренне пообещал он. – Только скажите, что нужно делать.

– Ничего другого я от тебя и не ожидал! – просиял адмирал и, прежде чем Джек успел отстраниться, крепко обнял его. – И знаешь, Джек, хочешь – верь, хочешь – нет, а я действительно чертовски рад снова видеть тебя!

От этих объятий Джек окаменел, утратив способность двигаться. Хьюстон расцепил руки и направился к двери.

– Мне нужно закончить кое-какие дела, но ты не стесняйся, наваливайся на сэндвичи. И настоятельно рекомендую этот яичный салат. Он – из настоящих яиц, а не из всякого порошкового дерьма.

Прежде чем дверь за ним закрылась, адмирал устало улыбнулся Джеку.

Оставшись один, Джек снова упал в кресло и вытер вспотевшие ладони о штаны. Серьезность ситуации стала давить на него. Впервые за последние десять лет он почувствовал, что взгляды всего мира вновь устремлены в его сторону.

Три часа спустя Джек вновь оказался на борту «Фатома», хотя и ненадолго. Натянув синий глубоководный костюм «Норсман», он забрался в кабину «Наутилуса-2000» и привычно скорчился на пилотском кресле. Устроившись поудобнее, он прицепил к мочке уха

---

⁷ Джон Фицджеральд Кеннеди.

датчик биосенсора и укрепил микрофон. Затем они вместе с Лизой, находившейся в рубке «Фатома», проверили системы жизнеобеспечения.

Чарли находился на обшивке «Наутилуса», простукивая поверхность и проверяя швы, а Роберт в маске и с трубкой осматривал лодку, находясь в воде. Джек не хотел рисковать.

– Проверяйте все дважды! – покрикивал он на своих помощников.

Чарли подполз к открытому куполу кабины. В его глазах читалась неподдельная тревога.

– Ты уверен, что это необходимо, друг? – спросил он. – Это ведь огромная глубина. Так глубоко ты на этой девочке еще ни разу не опускался.

– Она рассчитана на такую глубину.

– На бумаге – может быть, но мы живем в реальной жизни. А океан умеет удивлять.

Он может быть настоящей сволочью.

Джек поднял глаза на геолога с Ямайки.

– Я опускаюсь, Чарли.

– Ладно, друг, это будут твои похороны.

Джек протянул руку и дружески потрепал геолога по затылку. Затем Чарли опустил прозрачный купол и закрепил его. Сделав это, он показал Джеку поднятые кверху большие пальцы и спрыгнул в воду, присоединившись к уже плескавшемуся там биологу, а Джек продолжил проверку систем «Наутилуса».

Вокруг «Фатома» широким полукругом стали собираться другие поисковые суда, в воздухе стрекотал винтами «Морской рыцарь».

На связь вышла Лиза.

– Все готово, Джек. Можешь начинать погружение. – Она, как ни старалась, не могла скрыть волнения.

– Проверка закончена, – сухо доложил он. – Начинаю погружение.

Джек запустил ускорители, и субмарина едва заметно завибрировала. После этого он принял балласт, и «Наутилус» стал медленно погружаться. Морская вода плавно поднималась по колпаку и наконец сомкнулась над головой Джека. Несколько секунд он боролся с легким приступом клаустрофобии. Джек знал, что это нормальная реакция организма, не желающего тонуть. Такое происходило со всеми ныряльщиками с древних времен. Он стал глубоко дышать, и, когда лодка погрузилась глубже, неприятное ощущение ушло. Ему предстоял долгий путь.

Шестьсот метров. Больше четверти мили.

Совещание на борту «Гибралтара» было коротким и очень деловым. Накануне ночью удалось запеленговать радиосигнал спасательных маяков упавшего судна, и специалисты НСБТ определили наиболее вероятный квадрат обнаружения обломков. Командующий береговой охраны настаивал на том, чтобы задействовать «Дип Дроун» – радиоуправляемый глубоководный аппарат, предназначенный для исследования морского дна. Однако в данный момент «Дип Дроун» находился в акватории Атлантики, и доставка его к месту катастрофы заняла бы не меньше двух дней.

Когда страсти разгорелись не на шутку, Джек сообщил участникам совещания, что его аппарат способен погружаться на восемьсот метров и что он готов опуститься на дно и попытаться поднять на поверхность бортовые самописцы президентского самолета. Представители НСБТ не пожелали принять эту помощь.

– Чересчур опасно, – обронил председатель Совета. – Нельзя больше рисковать людскими жизнями.

Но тут слово взял бывший командир Джека, адмирал Хьюстон.

– Если мистер Киркланд утверждает, что может обследовать район катастрофы без риска для своей жизни, значит, так тому и быть.

Даже сейчас, вспомнив о том, как поддержал его бывший командир, Джек вспыхнул от гордости. Если бы не Марк Хьюстон, ему не суждено было бы покорить эту глубину.

Джек опускал «Наутилус» по широкой спирали, не отрывая глаз от датчиков приборов. Достигая морского дна, сигналы сонара возвращались обратно и отдавались в его ушах.

Бип... би-и-ип...

По мере погружения вода вокруг становилась темнее. Джек включил носовые огни «Наутилуса», и толщу воды прорезали два ослепительных конуса света, исчезая в бесконечной синеве. После того как подлодка миновала отметку в двести метров, вода стала чернильно-черной, и у Джека возникло ощущение, что его окружает нефть. Уши заложило, в висках застучало. Но это было только начало. На глубине в шестьсот метров давление вырастет до полутонны на квадратный дюйм – вполне достаточно, чтобы расплющить его в случае внезапной разгерметизации.

Джек протянул руку и вывел на экран монитора картинку океанского дна, которую снимал его сонар. Детали были плохо различимы. Рельеф дна был крайне сложным, с многочисленными уступами, подводными возвышенностями и прочими неровностями. О том, чтобы обнаружить радиомаяк с самолета, не могло быть и речи, поэтому Джеку оставалось рассчитывать только на свои силы.

Бип... би-и-п...

Джек направил поток данных сонара в компьютер, запустив программу моделирования донного рельефа, и размытые детали постепенно стали приобретать более четкие очертания.

– Вы получаете изображение? – спросил он, прикоснувшись к микрофону.

– Там, внизу, полная неразбериха, – ответила Лиза. – Будь осторожен.

На экране монитора проплывали подводные горы, между которыми дно было изрезано ложбинами и глубокими каньонами. Это зрелище напомнило Джеку бесплодные земли американского Запада. Даже имея карту, там ничего не стоило потеряться. Здесь – тоже.

Радио несколько секунд шипело, а затем в наушнике послышался голос Чарли:

– Слушай, Джек, мне не очень нравится то, что я вижу.

– Что именно?

– Подводные горы обычно появляются в результате сейсмической активности, и те, над которыми ты сейчас находишься, кажутся мне весьма подозрительными.

– Приборы что-то зарегистрировали?

Последовала долгая пауза.

– Мм, нет... Но мне это все равно не нравится.

– Будь начеку, Чарли, и в случае чего предупреди меня.

Джек помнил, что произошло в прошлый раз, когда он пренебрег советом геолога и прямо под ним открылось жерло вулкана. Ему не хотелось еще раз пережить эти ощущения.

Он продолжил спуск по более широкой спирали, снизив тем самым скорость погружения. Показания глубиномера находились между отметками в четыреста и пятьсот метров. Вокруг прозрачного купола мечущееся облачко светлых точек. Поначалу Джек подумал, что это мельтешит у него в глазах от выросшего давления, но потом понял, что наблюдает скопление каких-то флуоресцентных морских микроорганизмов – крохотных и прозрачных.

– Появились признаки подводной жизни, – сообщил он и нажал на кнопку видеозахвата, чтобы его товарищи наверху также смогли полюбоваться увлекательным зрелищем. – Как изображение?

– Картинка дрожит и пульсирует, но детали видны отлично.

Экспериментальную видеосистему им одолжили и быстро смонтировали военные моряки, чтобы за передвижениями «Наутилуса» можно было следить с поверхности.

Крохотные светлячки исчезли так же внезапно, как и появились, и купол вновь окутала темнота. Джек снова посмотрел на глубиномер. «Наутилус» приближался к отметке в шестьсот метров.

Бип... бип... бип...

Сигналы сонара зазвучали часто и назойливо. Лодка, должно быть, находилась возле самого дна. Джек еще больше сбавил скорость и, выйдя из спирали, пустил субмарину по наклонной.

– Джек!

– О черт!

Он и Лиза увидели это одновременно. Джек вдавил в пол левую педаль, накренив лодку и заставив ее сделать резкий вираж влево. Он только что едва не врезался в высокий шишковатый столб, неожиданно-негаданно возникший перед ним из темноты. Стабилизировав субмарину, Джек обогнул столб и оказался в настоящих зарослях из множества таких же колонн и шпилей. Некоторые из них были не толще человеческой руки, но вздымались на десятки метров вверх, другие по размерам можно было сравнить с калифорнийским мамонтовым деревом. «Наутилус» едва не влетел со всего хода в каменный лес.

Чарли на борту «Фатома» задохнулся от восторга.

Джек никогда прежде не видел ничего подобного. Он поднял лодку немного выше, чтобы выбраться из каменной чащобы, но ему все равно приходилось лавировать между самыми высокими из торчащих со дна столбов.

– Что это такое? – спросил он.

– Лавовые столбы! Полые внутри базальтовые колонны, образовавшиеся в результате выброса через маленькие трещины в мантии раскаленной лавы, моментально остывшей затем в холодной воде.

Джек перегнулся вправо, чтобы лучше разглядеть диковинные заросли, и увидел огромного осьминога, поднимающегося со дна. В луч прожектора попала и шарахнулась в сторону испуганная рыба.

– О них еще мало известно, – продолжал Чарли. – Эти штуковины открыли совсем недавно.

Джек проплыл мимо чудовищной колонны не менее трех метров диаметром, верх которой терялся в темноте над его головой.

– Будь осторожен, Джек. Как я уже сказал, наличие лавовых колонн свидетельствует о том, что этот район нестабилен. Так сказать, горячее местечко с точки зрения тектонической активности. Но я прикрою твою спину. Если сейсмограф хотя бы пикнет, я сразу посылаю тебе сигнал SOS.

– Да уж, не откажи в любезности. – Джек хрипловато откашлялся. – Лиза, ты меня слышишь?

– Да, Джек.

– Каково мое местоположение по отношению к точке, в которой военные запеленговали сигнал «черных ящиков»?

Последовала короткая пауза.

– Загружаю в твой компьютер свежие данные. Ты должен находиться почти над ней. Метрах в ста двадцати к северу.

Джек глянул на компас. Стрелка безостановочно скакала из стороны в сторону, преодолевая половину циферблата за каждый прыжок. Он постучал по стеклу прибора, но это не помогло. Странно, еще десять минут назад компас работал безупречно.

– Лиза, похоже, тебе придется взять на себя функции лоцмана и провести меня до места назначения по радио. Мой компас вдруг забарахлил.

– Хорошо. В таком случае разверни нос лодки на тридцать градусов, а потом начинай движение.

Джек медленно развернул «Наутилус», взяв в качестве точки отсчета одну из базальтовых колонн.

– Как теперь? – спросил он.

– Отлично! Давай прямо.

Джек надавил на педаль, и субмарина медленно двинулась вперед, прогрызая себе лучами прожекторов путь в густой темноте.

– Очень хорошо, – прокомментировала Лиза, – ты идешь прямо к цели.

Хмурясь, Джек наблюдал, как мечется стрелка компаса. Это напомнило ему недавние события, когда его застало врасплох извержение подводного вулкана.

– Наверху... Там что-то странное...

Внезапно свет прожекторов «Наутилуса» ударил Джеку в глаза, отразившись в...

– Твою... – крикнул он.

– ...мать! – закончила за него Лиза.

Путь ему преградил массивный треугольный кусок светлого металла. В свете ксеноновых ламп на его поверхности было четко видно изображение американского флага. Это была хвостовая часть борта номер один.

– «Орел» обнаружен, – прошептал Джек.

Он еще больше замедлил ход, поднял «Наутилус» над стабилизатором самолета, настроил освещение таким образом, чтобы оно было максимально рассеянным, и направил прожектора на морское дно.

Обломки «Боинга-747» были разбросаны широким неровным кругом. Опускаясь на дно, они повалили сотни хрупких базальтовых столбов, и теперь посередине каменных джунглей образовалась огромная прогалина, усыпанная рваными кусками плоскостей и фюзеляжа. На ее дальнем конце возвышались подводные холмы.

Джек медленно обогнул место аварии, а затем приблизился к кабине пилотов. Сквозь выбитые стекла отчетливо виднелась приборная панель. Он отвел глаза, боясь увидеть нечто значительно более страшное. В его памяти всплыли воспоминания о катастрофе космического челнока. Еще одно падение с небес. Наверное, так же выглядели останки «Атлантиса». Джека передернуло.

Приказ адмирала выяснить судьбу президента Бишопа выполнен, остальное – дело техники.

Кого винить в произошедшем?

На мгновение Джек закрыл глаза и сделал глубокий вдох. После крушения «Атлантиса» он испытывал всепожирающее чувство вины и жалел тех, кого накажут за случившееся.

Открыв глаза, он взялся за джойстик управления внешними манипуляторами. Ему осталось выполнить последнюю задачу: найти и поднять на поверхность два «черных ящика» – бортовые самописцы борта номер один.

– Лиза, чтобы найти «ящики», мне снова понадобится твоя помощь. – Джек взглянул на компас, ожидая увидеть пляшущую стрелку, но, к его удивлению, она стояла неподвижно, указывая на заросли каменных деревьев. – Впрочем, мой компас, кажется, пришел в себя.

По мере того как «Наутилус» медленно огибал место крушения, стрелка слегка передвинулась.

– Хорошо, – заговорила Лиза, – в таком случае тебе нужно...

– Подожди минутку, – перебил ее Джек. Сведя брови в одну линию, он увеличил скорость субмарины и сделал почти полный круг, однако стрелка компаса продолжала указывать в одну и ту же точку – в глубь базальтовых джунглей.

– Не может такого быть! – пробормотал он.

– В чем дело? – спросила Лиза. – Какие-то проблемы?

Джек снова принялся регулировать прожектора. Превратив лучи в тонкие ослепительные шпаги, он направил их в самую середину каменных зарослей. Там, в самом центре, возвышалась колонна не менее сорока метров в высоту. Но что-то в ней было не так. Казалось, что она светится.

Джек моргнул, решив, что это оптический обман. Он двинул «Наутилус» вперед и впервые в жизни оказался на подводном кладбище. Волосы у него на затылке зашевелились. Нет, он боялся не призраков, а чего-то более реального. Лиза что-то проговорила, но какие-то внешние помехи превратили ее речь в неразборчивый набор звуков. Как будто ее фразу записали на пленку, а затем прокрутили в ускоренном темпе.

– Повторите, рубка, – проговорил он.

Лиза повторила, и, сконцентрировавшись, Джек на сей раз сумел разобрать ее слова.

– Твой сердечный ритм заметно упал. Как ты себя чувствуешь?

Джек посмотрел на дисплей с собственными биометрическими показаниями. Пульс был в норме.

– Не понимаю, – сказал он.

Если ответ и последовал, то он потонул во внезапно раздавшемся в наушнике высоком вое, от которого у Джека заломило в висках. Решив, что барахлит радио, он уменьшил громкость и снова посмотрел на компас. Стрелка все так же указывала на странную колонну.

Эта чертова штуковина, видимо, создавала магнитное поле.

Джек подплыл ближе, и в его теле возникло странное пощипывающее ощущение, словно он оказался под холодным душем. Джек поежился, остановил субмарину, и «Наутилус» завис рядом с колонной. Задрал голову, Джек пробежал взглядом по этому сооружению до самого верха. Колонна продолжала светиться, но не собственным светом. Это был всего лишь оптический эффект. Как солнечный луч в бриллианте, в ней отражался и преломлялся свет прожекторов «Наутилуса». Хотя было очевидно, что колонна – из камня, это был не черный вулканический базальт, а скорее какой-то кристалл, напоминающий гигантский кварцевый стержень, выросший из морского дна.

В свете прожекторов «Наутилуса» она отливала аквамарином с узором ярко-рубинового цвета. Хотя в отличие от большинства своих покосившихся или даже скрученных в кольцо соседей колонна была прямой как стрела, Джек чувствовал, что она имеет естественное происхождение, а не является творением человеческих рук. Это был какой-то природный феномен, невиданный до сегодняшнего дня.

Джек описал круг, осмотрев кристаллический обелиск со всех сторон. Поскольку радиосвязь по-прежнему не работала, он решил, что, возможно, видеоизображение также не поступает на поверхность, и для страховки включил камеры, чтобы записать все увиденное на DVD-диск. Покончив с этим, он вывел лодку из зарослей лавовых столбов.

Эта загадка может подождать. Сейчас пора выполнить порученную ему миссию. Он использует собственный сонар, чтобы обнаружить самописцы борта номер один. Работа будет непростой, но вполне выполнимой, а со сбоями в радиосвязи он разберется уже наверху.

Однако стоило ему выплыть на прогалину, образованную обломками самолета, как связь внезапно восстановилась сама по себе и в наушнике раздался заполосный, но ясно различимый голос Лизы.

– Джек! Джек! – кричала она. – Что там у тебя, черт побери, происходит?

– Лиза?

– Джек! – В голосе женщины прозвучало облегчение. – Чертов болван, как же ты меня напугал! Почему ты молчал? Биометрика перестала поступать, а видеоизображение вообще превратилось во что-то непотребное. Мы не знали, что и думать!

– А что с показателями теперь?

– Теперь? Гм... Все в порядке. Так что же у тебя случилось?

– Сам толком не знаю. Нечто такое, что я пока не могу объяснить. Это нечто на время вывело из строя компас и, видимо, повлияло на другие системы.

– Что это может быть? – вклинился в разговор Чарли. – Как только связь с тобой прервалась, я стал получать сейсмические сигналы. Ты напугал меня, старик.

– Не могу сказать, Чарли, но я все записал на диск, и, когда поднимусь, ты увидишь это собственными глазами. А пока я должен закончить дело. – Джек провел субмарину мимо хвостового оперения «боинга». – Лиза, можешь навести меня на «черные ящики»?

– Т-ты находишься п-прямо над ними, – запинаясь, проговорила Лиза. Волнение еще не оставило ее. – Забирай их и смывайся оттуда поскорее.

– Будет сделано.

Джек опустил нос субмарины вниз и мимоходом посмотрел на компас. Стрелка все так же указывала на диковинную колонну, возвышавшуюся в самом сердце кладбища, огромный надгробный памятник, отмечающий место упокоения усопших.

После этого Джек принялся за поиски, безмолвно молясь за мужчин и женщин, находившихся на борту номер один. И в особенности – за одного из них.

– Покойтесь с миром, господин президент.

7

Древние отпечатки пальцев

*26 июля, 13 часов 20 минут
Побережье острова Йонагуни,
префектура Окинава*

– Миюки! – крикнула Карен.

По другую сторону короткого тоннеля грянул второй выстрел, на сей раз приглушенный. Но кто стрелял? И в кого? Карен встала на колени, заглянула в проход и увидела, что там кто-то есть. Кто-то полз в ее направлении.

Карен посветила в лаз фонариком. Из темноты на нее смотрели испуганные глаза Миюки.

– Вытащи меня! – взмолилась японка и вытянула руки вперед. – В нас кто-то стреляет.

Карен положила фонарик рядом с отверстием, ухватила подругу за запястья и, упершись ногами в стену, буквально выдернула ее из узкой дыры. Едва дыша, с вытаращенными глазами, Миюки вывалилась из лаза и плюхнулась на пол святилища. Затем она села и отвязала от голеней два пакета. В одном оказались ее фотопринадлежности, во втором – кобура с пистолетом Карен.

– Решила ничего не оставлять, – пояснила она, протягивая подруге кобуру.

Карен вытащила оружие. Зажав в руке холодную рукоятку пистолета, она вновь обрела утраченную было уверенность.

– Мужчины... Трое... – сбиваясь, стала рассказывать Миюки. – Они, должно быть, заметили нашу лодку и решили посмотреть, что мы здесь делаем.

– Мародеры?

Миюки кивнула.

– И тогда ты полезла в тоннель?

– А что мне оставалось делать?

– Они видели, куда ты подевалась?

– Не знаю.

Совсем рядом послышались голоса. Атаковавшие их мужчины взбирались на пирамиду. У Карен не было времени на то, чтобы выбраться наружу и устроить им засаду, поэтому она стала оглядываться в поисках второго выхода. Тщетно. Они оказались в ловушке. Надеяться оставалось лишь на восемь патронов в обойме ее пистолета.

Миюки попятилась от отверстия лаза.

– Что нам теперь делать? – жалобно спросила она, подошла к алтарю и села возле него.

Голоса стали громче, послышался топот ботинок. Мародеры говорили не на японском. Их язык напоминал один из полинезийских диалектов. Карен силилась понять, о чем они говорят, но не могла.

В дальнем проеме тоннеля появилась пара ног.

Вздвигнув от испуга, Карен выключила фонарик, и святилище погрузилось в непроглядную тьму. Она подняла зажатый в руке пистолет. Теоретически Карен могла уложить всех троих мужчин, имея восемь патронов. Она была неплохим стрелком, но руки ее тряслись, и еще... она еще ни разу в жизни не брала на мушку живую мишень.

Мужчина встал возле отверстия на одно колено и оперся на руку. На нее упал луч света, и Карен отчетливо разглядела на запястье мародера часть татуировки в виде изгибающейся змеи. Мужчина повернулся, отдав какой-то приказ, и Карен стала видна вторая половина

татуировки – оперение вокруг змеиной головы. Змея смотрела на нее кроваво-красными глазами.

Карен едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Точно такое же изображение было вырезано на каменном алтаре!

В отверстии появилось лицо мужчины и его вторая рука, в которой была зажата вышитая куртка Карен. Он что-то крикнул, явно обращаясь к ним. Хотя язык был Карен непонятен, она сообразила, что мужчина приказывает им немедленно выйти наружу.

В темное отверстие тоннеля ударил мощный луч света. Карен отшатнулась вбок и прижала пистолет к груди. А вдруг эти люди решат, что они с Миюки уже сбежали?

Луч фонаря погас, и в лазе снова воцарилась тьма. Карен подумала, что до тех пор, пока они находятся здесь, им ничего не грозит, поскольку любого, кто попытается пролезть сквозь лаз, она легко пристрелит. Промаяхнуться тут было невозможно.

Значит, лучшей тактикой было выжидать.

Мужчины снаружи уgomонились. Карен слышала шарканье ног и какое-то царапанье, но голоса больше не звучали. Неслышно двигаясь, она заглянула в отверстие лаза и увидела большую ржавую канистру, содержимое которой лилось прямо в тоннель и стекало в их сторону. В нос ей ударил резкий запах.

Керосин!

Острая вонь заставила ее зажать нос и рот. Мародеры задумали либо выкурить их, либо сжечь заживо. Подавшись назад, Карен стала лихорадочно думать. Наверняка она знала только одно: стрелять нельзя, поскольку любая искра может воспламенить горючую жидкость.

Обернувшись, она увидела позади себя подругу с карманным компьютером в руке. Миюки что-то быстро набирала на маленьком светящемся экране.

– Пытаюсь связаться с Габриелем, – деловито пояснила она. – Хочу попросить помощи, но из-за толстых стен никак не могу установить связь.

Карен подивилась находчивости подруги.

– Может, тебе встать поближе к выходу? – предложила она.

Миюки посмотрела на отверстие.

– Это может сработать.

Взгляд Карен случайно упал на освещенное слабым светом экрана изображение змеи с рубиновыми глазами, ползущей по каменному алтарю. Она сразу вспомнила татуировку на руке мародера. Может ли тут быть какая-то связь? Возможно ли такое? Ведь пирамида находилась под водой на протяжении многих веков!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.